1870
РАФАИЛЬ ВЫДРИНЪ.

5K
ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ
СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ
ВЪ РОССІИ.

1. СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ОТЪ
60-ХЪ ГОД. ДО 1907 Г.—2. ОБЩІЙ
ФОНЪ ДВИЖЕНІЯ: БОРЬБА ЗА
ДЕМОКРАТИЗАЦІЮ ОБРАЗОВАНІЯ.
3. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕН-
ЦІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ СТУДЕНЧЕСКИМЪ
ДВИЖЕНІЕМЪ.

24
Со вступительной статьей

В. М. ФРИЧЕ

„Западно-европейское студенчество“.

ИЗД—ВО «СТУДЕНЧЕСКІЙ ГОЛОСЪ».

МОСКВА.—1908.

РАФАИЛЬ ВЫДРИНЪ.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ.

1. СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ОТЪ
60-ХЪ ГОД. ДО 1907 Г.—2. ОБЩІЙ
ФОНЪ ДВИЖЕНІЯ БОРЬБА ЗА
ДЕМОКРАТИЗАЦІЮ ОБРАЗОВАНІЯ.
3. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕН-
ЦІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ СТУДЕНЧЕСКИМЪ
ДВИЖЕНІЕМЪ.

Со вступительной статьей

В. М. ФРИЧЕ

„Западно-европейское студенчество“.

ИЗД—ВО «СТУДЕНЧЕСКІЙ ГОЛОСЬ».

МОСКВА.—1908.

Западно-европейское студенчество.

I.

Крупная роль, сыгранная студенчествомъ въ русскомъ „освободительномъ“ движеніи, не представляетъ ничего сверхъ-обычнаго, не является исключеніемъ.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ буржуазіи приходилось насильственно ломать старый феодально-бюрократическій порядокъ, студенчество всегда шло въ авангардѣ, всегда исполняло почетную обязанность перваго піонера и застрѣльщика. Пусть студенчество обнаруживало не разъ въ своихъ революціонныхъ выступленіяхъ и отвагу и самоотверженность: эти качества воегда были свойственны молодежи. За этими безкорыстными и альтруистическими порывами лежали однако гораздо болѣе эгоистическія побужденія, не всегда ясно сознанныя отдѣльными личностями, но за то тѣмъ болѣе властно руководившія всей группой. Интеллигенція (адвокаты, учителя, писатели и т. д.) нуждается для исполненія своей функціи въ свободѣ слова, преподаванія, судопроизводства, какъ буржуазія требуетъ для своей промышленной дѣятельности свободы передвиженія, эксплуатаціи и т. д. Идя во главѣ освободительнаго движенія буржуазіи, интеллигенція сражалась такимъ образомъ за свои кровные матеріальные интересы. Но какъ только буржуазія достигала власти, какъ только конституціонныя гарантіи получали свое осуществленіе, студенчество неизбѣжно переставало играть видную политическую роль, потому что интеллигенція имѣла теперь возможность приложить свои знанія въ царствѣ свободной конкуренціи. Студенчество было революціонной силой только до тѣхъ поръ, пока сама буржуазія еще была рево-

МОСКВА.

Тип. „Печатное Дѣло“, бывш. Ф. Я. Вурче. Тверск. бул., д. Яголковскаго.

люціоннымъ классомъ, и оно было тѣмъ болѣе революціонно, чѣмъ менѣе революціонна была сама буржуазія.

Послѣднее массовое выступленіе студенчества во Франціи относится къ эпохѣ Реставраціи, когда буржуазія съ головой ушла въ карбонарскіе заговоры противъ полупфеодальной монархіи и въ этомъ подпольномъ движеніи видное участіе принимали и студенты. Въ романѣ В. Гюго „Отверженные“ не мало страницъ посвящено революціонному движенію французскаго студенчества, устраившаго всевозможныя тайныя общества и игравшаго потомъ въ дни іюльскаго переворота роль организатора и руководителя уличнаго востанія.

Послѣ іюльской революціи, продвинувшей къ власти крупную буржуазію, французская интеллигенція, и въ частности студенчество, уходять изъ подпольнаго движенія. Въ тайномъ обществѣ, основанномъ въ 1836 г. Бланки и Барбесомъ, первоначально, было очень много интеллигентовъ, и черезъ два—три года среди синихъ рабочихъ блузъ лишь изрѣдка мелькали фигуры интеллигентовъ. Французское студенчество еще разъ принимало видное участіе въ политической жизни страны, а именно въ іюнѣ 1848 г., разстрѣливая вмѣстѣ съ національной гвардіей рабочихъ, строившихъ баррикады.

Въ Германіи, гдѣ въ первую половину XIX в. еще крѣпки были устои стараго порядка, а бюргерство спало мирнымъ сномъ наивнаго Михеля, на долю студенчества выпала болѣе почетная историческая миссія. Нѣмецкіе университеты были первыми очагами буржуазной революціи. Между тѣмъ, какъ страна была раздѣлена на массу мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ, а отцы—монархи опекали каждый шагъ своихъ вѣрноподданныхъ дѣтей, студенты уже глухо волновались, грезили объ объединеніи Германіи (т. е. о ея превращеніи въ единый національный рынокъ) и требовали свободныхъ учрежденій. Студенческое движеніе началось извѣстной манифестаціей на Вартбургѣ (1817 г.) и перекинулось затѣмъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ агитаціи приватъ-доцента Фоллена въ Гиссенскомъ университетѣ, въ терроризмъ (убійство Зандомъ Коцебу). По мѣрѣ того, какъ прояснялось классовое самосознаніе нѣмецкаго бюргерства, студенческое движеніе принимало все болѣе мас-

совой характеръ. Рядомъ съ прежними „буршеншафтами“, дѣйствовавшими открыто, появляются теперь конспиративныя общества и союзы, члены которыхъ видѣли свою цѣль въ установленіи единой республики и ревностно упражнялись уже не въ гимнастикѣ, а въ владѣніи оружіемъ. Нѣмецкое студенческое движеніе носило чисто буржуазно-интеллигентскій характеръ. Когда Бюхнеръ пытался перевести вопросъ съ политической на экономическую почву и съ этой цѣлью устроилъ тайную организацію для провозглашенія „коммунистической республики“, то студенты, которымъ Бюхнеръ предлагалъ вступить въ нее членами, ничего не имѣли противъ этого пункта программы, считая себя самыми доподлинными „коммунистами“, когда однако оказалось, что доступъ въ тайное общество открытъ и ремесленникамъ, студенты единодушно отвергли проектъ Бюхнера. Какъ Гучковъ увѣрялъ одного французскаго писателя, такъ нѣмецкіе студенты были искренно убѣждены, что именно они и они одни освободятъ Германію отъ злой неволи, „при помощи санскритскаго языка“, иронически прибавилъ французскій журналистъ къ пламеннымъ тирадамъ нѣмецкаго студента. Въ 40 годахъ во всѣхъ даже самыхъ захолустныхъ университетскихъ городахъ Германіи происходятъ оживленныя сходки, обыкновенно разгоняемыя полиціей, броженье растетъ и студенты являются героями дня. Наступилъ мартъ 1848 г. На улицахъ Берлина воздвигаются баррикады. И хотя большинство убитыхъ были рабочіе, студенты, несомнѣнно, активно участвовали въ востаніи. Когда послѣ побѣды революціи Фридрихъ Вильгельмъ IV проѣзжалъ мимо университета и его встрѣтила депутація вооруженныхъ студентовъ, король обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Сегодняшній день—день великій, рѣшительный. Въ васъ сокрыто великое будущее и когда въ серединѣ или концѣ жизни вы оглянетесь на прожитую жизнь, вы вспомните несомнѣнно и этотъ день“. Еще болѣе видную роль играли въ освободительномъ движеніи буржуазіи вѣнскіе студенты. Вѣря первоначально въ возможность мирнаго разрѣшенія конфликта между новыми социальными силами и старымъ порядкомъ, студенты подали императору петицію, прося о дарованіи сначала свободы печати, слова, въ *особенности* преподаванія и въ послѣднемъ пунктѣ о дарованіи всенароднаго представитель-

ства. Когда выяснилось, что старый порядок может быть сломлен только силой, студенты перешли в наступление, образовали знаменитый „академический легион“, и воспользовавшись отсутствием классового самосознания в рабочих, вынесли буржуазную революцию на своих и ее плечах.

48 годом заканчивается политическая роль немецкого студенчества.

„Съ тѣхъ поръ—замѣчаетъ проф. Паульсенъ (Германскіе университеты)—какъ великія національныя (т. е. буржуазныя—В. Ф.) задачи были такъ или иначе разрѣшены, нѣмецкіе студенты уже болѣе не выступали на аренѣ общественной и политической жизни“. „Такое положеніе вещей—прибавляетъ почтенный профессоръ—слѣдуетъ признать самымъ нормальнымъ“.

Нормально ли или ненормально такое положеніе вещей, оно во всякомъ случаѣ неизбѣжно вытекаетъ изъ самой сущности студенческаго движенія, направленнаго прежде всего на завоеваніе буржуазныхъ свободъ—свободы слова, печати, преподаванія и т. д.

II.

Во второй половинѣ XIX в. западноевропейскій университетъ все болѣе теряетъ свой прежній демократическій характеръ, все болѣе становится монополіей верхнихъ слоевъ буржуазіи.

Эта метаморфоза особенно рѣзко бросается въ глаза при изученіи судебъ нѣмецкой высшей школы.

Въ первой половинѣ XIX в. въ германскихъ университетахъ еще преобладали бѣдняки, „пауперы“. Мало обезпеченная мѣщанская семья могла спокойно послать своихъ сыновей въ высшее учебное заведеніе, такъ какъ курсъ былъ только двухъ-годичный и молодежь могла кое-какъ перебиваться даровымъ столомъ и частными уроками. Большинство крупныхъ нѣмецкихъ ученыхъ первой половины XIX в. вышли именно изъ такихъ бѣдныхъ семействъ. Было не мало и стипендій. Такъ въ вѣнскомъ университетѣ въ 1846 г. на 2719 слушателей приходилось 270 стипендій.

По своему составу старій нѣмецкій университетъ носилъ ярко демократическій характеръ. „Изъ провинціи—сообщаетъ одинъ современникъ, характеризующій вѣнскій университетъ 40 годовъ—приходятъ зачастую сыновья крестьянъ, выходцы изъ низшихъ классовъ народа, которымъ тогдашняя постановка учебнаго дѣла очень облегчаетъ доступъ въ университеты“. Нужда среди вѣнскихъ студентовъ была отчаянная. „Она превосходитъ—замѣчаетъ другой современникъ—все, что можно себѣ представить. Только богатая надеждами юность можетъ вынести нѣчто подобное. Не мало есть студентовъ, которые по недѣлямъ не притрогиваются къ горячей пиццѣ, питаются исключительно хлѣбомъ и водой. Эти бѣдняки на всю жизнь подрываютъ свое здоровье“. (Объ цитаты у Ваха: Австрія въ первой половинѣ XIX в.).

Это преобладаніе демократическихъ слоевъ среди студенчества объясняетъ въ значительной степени его дѣятельное участіе въ событіяхъ 1848 г.

Во второй половинѣ XIX в. крупная буржуазія послѣдила монополизировать знаніе для своихъ дѣтей. Все ея вниманіе сосредоточено на томъ, чтобы преградить доступъ въ университетъ малоимущимъ слоямъ населенія, преимущественно мелкой буржуазіи. Съ этой цѣлью увеличенъ гимназическій курсъ, съ этой цѣлью удлиненъ и курсъ университетскій. Необезпеченному юношѣ все труднѣе становится пробиться къ ученой карьерѣ. „Пауперъ“, когда то господствовавшій въ аудиторіи, отгѣняется назадъ сыновьями буржуазіи.

Слѣдующая таблица, составленная Конрадомъ для прусскихъ университетовъ (1887—1890 г.), даетъ наглядное представленіе о буржуазномъ ихъ составѣ.

Дѣти купцовъ, банкировъ, содержателей гостиницъ, лавочниковъ	2416
Промышленниковъ, ремесленниковъ	1981
Самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ	1613
Дѣти рантье, крупныхъ землевладѣльцевъ	604
Врачей, чиновниковъ и учителей съ унив. образованіемъ и т. д.	2850
Учителей безъ универ. образованія	1099
Рабочихъ	12
Низшихъ служащихъ	9

Буржуазный состав современного нѣмецкаго университета отражается и на духѣ студентовъ. Достаточно указать на эволюцію, пройденную буршеншафтами. Когда „буршеншафты“ сталкиваются съ „корпораціями“, въ которыхъ преобладаетъ дворянство и самый верхъ буржуазіи, они любятъ подчеркивать свой „демократизмъ“, свою принадлежность къ „народу“. Однако по существу между ними разница невелика. Если когда-то буршеншафты были носителями оппозиціоннаго духа бюргерства, то теперь, — по словамъ проф. Паульсена, — они представляютъ „вопреки своему прежнему принципу“ „замкнутые студенческіе кружки“, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., „по внѣшнимъ приѣмамъ и по тому, какъ они относятся къ студенческимъ интересамъ“, они „приближаются къ корпораціямъ“.

Буржуазный составъ современного западно-европейскаго университета предрѣшаетъ заранѣе отношеніе студенчества къ социальному вопросу, къ пролетарскому движенію.

Въ Англии, гдѣ университетъ не болѣе, какъ школа для знати, студенты естественно и слышать ничего не хотятъ объ „идеѣ четвертаго сословія“. Когда недавно Кайръ-Гарди сталъ излагать передъ студентами программу рабочей партіи, они подняли такой свистъ и гамъ, который не далъ ему возможности окончить свою рѣчь. Французскіе студенты, среди которыхъ, по словамъ А. Беранже (*Les prolétaires intellectuels en France*), очень много интеллигентнаго пролетаріата, правда, не относятся къ социализму такъ враждебно, какъ англійскіе, но и ихъ отношеніе по меньшей мѣрѣ равнодушное.

„Когда послѣ амнистіи коммунаровъ, — рассказываетъ Лафаргъ (Интеллигенція и социализмъ) мы (т.-е. Вальянъ, Гадъ и я) вновь приступили къ пропагандѣ социализма, мы думали, что легче всего будетъ втянуть въ это движеніе интеллигентный пролетаріатъ и потому поселились въ латинскомъ кварталѣ. Мы завязали сношенія съ сотнями молодыхъ людей, со студентами разныхъ факультетовъ, но можно сосчитать по пальцамъ тѣхъ, кого мы приобрѣли для социализма. Они увлекались на одинъ день нашими идеями, но стоило только вѣтру подуть съ другой стороны, и они отворачивались отъ насъ“.

Въ настоящее время въ Парижѣ, правда, есть „группа сту-

дентовъ-коллективистовъ“, издающихъ прокламаціи и агитационную литературу, однако влияніе ея на студенчество ничтожно. Въ Германіи одно время — до исключительныхъ законовъ Бисмарка — студенчество въ широкихъ его слояхъ видимо склонялось къ социализму, но какъ только рабочая партія была разгромлена, студенты повернули фронтъ. Когда послѣ паденія исключительныхъ законовъ Бисмарка социалдемократы возобновили свою агитацію среди интеллигенціи, они встрѣтили въ стѣнахъ университета такой отпоръ со стороны антисемитскихъ, національ-либеральныхъ и реакціонныхъ кружковъ, что рѣшили махнуть рукой на студенчество. А совсѣмъ недавно, передъ выборами въ рейхстагъ, нѣмецкіе студенты перешли въ активное наступленіе противъ социалдемократіи и повели противъ нея дѣятельную предвыборную кампанію, что подало реформистамъ изъ *Socialistische Monatshefte* поводъ пролить лишнюю слезу о слишкомъ сектантской ортодоксіи партіи, оттолкнувшей отъ нея интеллигенцію.

Болѣе другихъ активно участвуютъ въ пролетарскомъ движеніи итальянскіе студенты. Нѣкоторые марксисты склонны объяснять этотъ феноменъ большей идеалистичностью итальянской интеллигенціи (Гуревичъ: Участіе интеллигенціи въ современномъ рабочемъ движеніи; статья была напечатана въ *Neue Zeit*). Причина, конечно, не эта, а болѣе прозаическая.

Италія одна изъ самыхъ бѣдныхъ европейскихъ странъ, капитализмъ въ ней мало развитъ и прибавочная цѣнность, выпадающая на долю интеллигенціи, очень невелика, а тяга къ либеральнымъ профессіямъ зато весьма сильна. Между тѣмъ какъ ежегодный доходъ француза равняется 5000 фр., а итальянца только 2000 фр., на 100000 жителей приходится во Франціи 54 студента, а въ Италіи цѣлыхъ 75. (*Colbelli: Les prolétaires intellectuels en Italie*). Ни въ одной странѣ нѣтъ такого огромнаго количества интеллигентныхъ пролетаріевъ, какъ въ Италіи. При такихъ условіяхъ немудрено, что итальянская интеллигенція больше всякой другой настроена оппозиціонно противъ существующаго порядка вещей и охотнѣе всякой другой примыкаетъ къ пролетарскому движенію. Но вѣдь и нѣтъ на свѣтѣ ни одной социалистической партіи, которая была бы въ такой же мѣрѣ проник-

нута духмъ оппортионизма и реформизма, какъ итальянская, которая заботится къ тому же въ гораздо большей степени объ улучшеніи положенія интеллигентныхъ труженниковъ, чѣмъ объ интересахъ рабочаго класса. Государственный социализмъ,—таковъ идеаль „идеалистически“ настроенной итальянской интеллигенціи. (Леоне: Синдикализмъ). Такое враждебное, иногда равнодушное или же своекорыстное отношеніе интеллигенціи, и въ частности студенчества, къ социализму вполне понятно, если принять во вниманіе, что эта группа занимаетъ определенное мѣсто въ производственномъ процессѣ, исполняя для буржуазіи тѣ или инныя организаторскія и техническія функціи.

Внимательно вглядываясь въ студенческое движеніе на Западѣ, не трудно понять, что оно представляетъ прообразъ судьбы русскаго студенчества.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ капиталу приходится насильственно ломать старый порядокъ, студенчество идетъ во главѣ освободительнаго движенія буржуазіи, сражаясь за свои кровные матеріальные интересы, причемъ главная роль въ борьбѣ выпадаетъ на его болѣе необезпеченные, демократическіе элементы, а когда буржуазія продвигается и еще болѣе, когда она продвинулась къ власти, она спѣшитъ монополизировать высшее образованіе въ интересахъ своихъ дѣтей и объявляетъ локаутъ этимъ необезпеченнымъ демократическимъ элементамъ, „пауперамъ“, какъ они назывались въ средневѣковыхъ университетахъ!

В. Фриче.

Основные моменты студенческаго движенія въ Россіи.

I.

Русскій университетъ до шестидесятыхъ годовъ былъ преимущественно дворянскимъ. Въ правящихъ кругахъ того времени господствовало глубокое убѣжденіе, что высшее образованіе должно составлять привилегію одного только „благороднаго“ сословія. Особенно ярко сказалась эта мысль въ Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 19 февраля 1825 г.

„Предметы ученія и самый способъ преподаванія должны быть, по мнѣнію Рескрипта, соображаемы съ будущимъ назначеніемъ обучающихся... Каждый гражданинъ не долженъ быть ниже своего состоянія, но также не долженъ стремиться чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дня ему суждено оставаться“. По этому „въ высшія учебныя заведенія должны допускаться лишь лица свободнаго сословія — дѣти дворянъ и чиновниковъ“¹⁾.

Доступное только одному дворянству университетское образованіе не открывало передъ студенчествомъ особенно заманчивыхъ перспективъ, такъ какъ условія крѣпостнаго режима тормозили любое культурное начинаніе. Лучшая часть дворянства посвящала себя военной карьерѣ, наиболее приспособленной къ ней. Въ университетъ же шли всѣ тѣ, кто, не попавъ на военную службу, готовились къ чиновничьей карьерѣ. Въ университетѣ студенты воспитывались въ чисто казарменной обстановкѣ. Ихъ обучали фронтальной службѣ, дѣлили на батальоны. Среди скованнаго

¹⁾ Мельгуновъ С. Изъ исторіи студенческихъ обществъ въ русскихъ университетахъ, стр. 31.

суровой дисциплиной студенчества незамѣтно слѣдовъ какихъ-либо корпоративныхъ интересовъ.

Далеко студенчество и отъ политическихъ теченій въ дворянствѣ. Движеніе декабристовъ не захватило университетскую молодежь. Борьбу съ деспотизмомъ во имя свободы и разума подняла не та, казалось, культурная часть дворянства, которая обучалась въ университетахъ, а гвардейская молодежь, составлявшая въ то время цвѣтъ дворянскаго общества. Университетъ стоялъ въ сторонѣ. Только нѣсколько студентовъ Московскаго университета, по словамъ барона Штейнгеля, „были заражены сѣменами либерализма“ и поплатились заточеніемъ въ Финляндскихъ крѣпостяхъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ студенческихъ кружковъ, занимавшихся общественными и литературными вопросами, дворянское студенчество ничѣмъ не проявило себя въ общественной жизни.

Студенческое движеніе возникаетъ съ того момента, когда дворянскій университетъ подѣ папоротомъ новой жизни, неудовлетворяющейся тѣсными рамками феодально-крѣпостническихъ отношеній, уступилъ мѣсто университету всеобщему. Россія вступила въ шестидесятыхъ годахъ на путь болѣе интенсивнаго капиталистическаго развитія, несомнѣстимаго со многими пережитками стараго строя. Однимъ изъ такихъ пережитковъ былъ дворянскій университетъ, закрытый для другихъ сословій. Новыя условія русской жизни требовали широкой постановки народнаго образованія, специальныхъ знаній, общедоступной медицины и т. д. Эту потребность въ массовыхъ культурныхъ работникахъ не могъ удовлетворить дворянскій университетъ. Учрежденіе, созданное исключительно для одного только „благороднаго сословія“, было принуждено открыть свои двери для лицъ всѣхъ званій и состояній.

„Въ то время, говоритъ Пантелѣевъ, университетъ какъ бы самъ открылся для всѣхъ желающихъ, даже не надо было записываться въ вольнослушатели, а просто приходи и слушай“¹⁾.

¹⁾ Цитирую по Ашевскому „Совр. Миръ“, 1907 г. Здѣсь какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи студенческаго движенія 60-хъ годовъ мы пользуемся матеріаломъ подробнаго изслѣдованія Ашевскаго.

Потребность въ культурныхъ силахъ вызываетъ усиленный наплывъ въ университетъ студентовъ. Такіе социальные слои русскаго общества, какъ мелкое чиновничество, необеспеченное сельское духовенство и разоряющіяся подѣ влияніемъ капитализма мелкое дворянство и мѣщанство видѣли въ университетскомъ дипломѣ весьма желательный выходъ для своихъ дѣтей изъ тяжелаго матеріальнаго положенія, въ которомъ они находились. Разночинецъ заполнилъ русскіе университеты, сообщивъ совершенно иной характеръ социальному составу студенчества. Появленіе новаго студента сразу привлекло къ нему вниманіе современниковъ. Острогорскаго поразилъ, главнымъ образомъ, внѣшній видъ студенческаго пролетаріата, который „плохо одѣтъ, ходитъ безъ калошъ и теплаго платья“. Пирогова¹⁾ занимаетъ вопросъ: какія причины побуждаютъ „бѣдняковъ“ итти въ университетъ. Опъ приходитъ къ тому заключенію, что „у пасъ бѣдняку, хотя нѣсколько образованному, дорога черезъ университетъ кажется еще самою выгодною, потому что, дѣйствительно, другой для него почти нѣтъ... Бѣдняки всего болѣе привлекаются въ нѣкоторые факультеты нашихъ университетовъ, отыскивая въ нихъ свою будущность“.

Если раньше въ университетъ попадали неудачники изъ дворянъ, несумѣвшіе устроиться на военной службѣ, то теперь университетъ открываетъ широкія перспективы передъ различными слоями русскаго общества. Новое студенчество, чуждое казарменной обстановкѣ дореформеннаго университета, начинаетъ сознавать общность своихъ профессиональныхъ интересовъ. Пироговъ констатируетъ, что всѣ выступления студенчества носятъ корпоративный характеръ. „Вездѣ дѣйствіе проявлялось корпоративно. Вездѣ обнаруживалось понятіе о достоинствѣ, значеніи и чести корпорации“.

„Въ Казани и другихъ городахъ поволжья, пишетъ Ашевскій, укореняется мнѣніе, что студенты составляютъ силу, съ которой нужно считаться“.

Осуществляя захватнымъ правомъ свободу организацій и собраній, студенчество выдѣляло себя изъ окружающаго общества, сдавленнаго полицейскими тисками и этимъ какъ бы

¹⁾ Пироговъ. Университетскій вопросъ, стр. 41 и 42.

создавало вокруг себя особый ореолъ. Правда московскимъ профессорамъ совсѣмъ не нравится преклоненіе общества передъ студенчествомъ. Въ „исторической запискѣ“ они жалуются, что „русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, которое едва ли существуетъ въ другой странѣ. Студентъ въ Россіи является не учащимся, а учителемъ обществу, послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторой гордостью и съ нѣкоторымъ уваженіемъ... поступки, совершаемые толпой, остались безнаказанными и, по крайней мѣрѣ, оканчивались удачей студентовъ“. „Всѣ эти удачи, — по мнѣнію московскихъ профессоровъ, утвердили студентовъ въ мысли, что они своей массой составляютъ силу, противъ которой начальство боится дѣйствовать рѣшительно“. Болѣе лестнаго отзыва о московскомъ студенствѣ профессора не могли придумать даже при самомъ благожелательномъ отношеніи къ нему.

Первыя студенческія демонстраціи носили частный характеръ столкновения съ мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ и администраціей. (Въ Казани въ 1856 году, Кіевѣ и Москвѣ въ 1857 году, въ Петербургѣ въ 1858 году). Поводомъ служили, въ большинствѣ случаевъ, протестъ противъ нелюбимаго профессора, сочувствіе популярному преподавателю, полицейскія насилія надъ личностью студента. Эти мелкія столкновения воспитывали въ студенствѣ чувство солидарности, приучали дѣйствовать единодушно, „скопкомъ“ отстаивать свои интересы. Постепенно частный характеръ студенческихъ демонстрацій начинаетъ уступать мѣсто болѣе общему, политическому. Такой характеръ имѣла казанская демонстрація по поводу жестокаго усмиренія крестьянъ и сочувственныя демонстрація полякамъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Но было бы ошибочно считать эти демонстраціи массовыми. Въ нихъ принимала участіе незначительная часть студенчества. На ряду съ сочувствіемъ польскому движенію, въ Кіевѣ существовало антипольское теченіе. Въ то время, какъ часть студенчества участвуетъ на панихидахъ по убитымъ полякамъ и поетъ польскій гимнъ, другая часть студенчества подписываетъ вѣрно-подданнической адресъ Государю, направленный противъ поляковъ.

Мы не видимъ у студенчества въ массѣ опредѣленныхъ

политическихъ идеаловъ. Тѣ отдѣльные студенческіе кружки, которые занимались политическими и социальными вопросами, во всякомъ случаѣ, не характеризовали настроенія всей студенческой массы. Первое массовое выступленіе студенчества произошло не на почвѣ какихъ либо опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ. Оно явилось слѣдствіемъ борьбы за свои насущные интересы, за свободный доступъ въ университетъ и за свободу академическихъ организацій.

Правительство принуждено было сдѣлать университетъ доступнымъ не для одного только дворянства. Это было требованіемъ новыхъ условій русской жизни. Но вызвавъ къ жизни всесословный университетъ, правительство стало лицомъ къ лицу съ новымъ студенчествомъ, которое, по словамъ Писарева, „не было похоже на старыхъ студентовъ, склонныхъ къ благоговѣнію, смотрѣвшихъ на лекціи и слова профессоровъ, какъ на пищу духовную и манну небесную“. Вольный корпоративный духъ студенчества противорѣчилъ общимъ условіямъ политической жизни страны. Столкновение было неизбежно.

Правительство прежде всего обрушилось противъ демократическаго состава студенчества. Ранѣе бѣднѣйшая часть студенчества освобождалась отъ платы за ученіе. Въ 1859 году въ петербургскомъ университетѣ, напримѣръ, была внесена плата только 360-ю студентами изъ общаго числа студентовъ въ 1019 человекъ. Въ Москвѣ освобождалось ежегодно 150—200 человекъ. По новымъ, такъ называемымъ „путятинскимъ“¹⁾ правиламъ ограничивались свободный доступъ въ университетъ и свобода студенческихъ организацій. Число освобождаемыхъ отъ платы было доведено до минимума, при чемъ плата взыскивалась самымъ суровымъ образомъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, у студента на экзаменѣ справлялись, имѣетъ ли онъ въ карманѣ 25 рублей. Сходки и кассы взаимопомощи были запрещены.

Всѣ эти ограниченія, имѣвшія весьма опредѣленную тенденцію, возбудили сильное негодованіе въ рядахъ студенчества. Они вызвали широкое выступленіе студенчества, провозгласившее „Долой путятинскія правила“. Движеніе,

¹⁾ По имени министра народнаго просвѣщ. Гр. Путятина.

первоначально возникнувъ въ Петербургѣ, перебросилось въ Москву, Казань и Кіевъ.

Характерной является прокламація, въ которой петербургское студенчество объявляетъ борьбу правительству.

Предлагая студенчеству поднять брошенную ему правительствомъ перчатку, прокламація говоритъ: „Мы легионъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безчисленные кружки свободомыслящихъ людей, западная Европа, все лучшее передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже, чѣмъ шпионовъ. Стоить только показать, что насъ много. Теперь кто же противъ насъ? Пять—шесть олигарховъ, тирановъ, крадущихъ, подлыхъ отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть господами, они теперь выворачиваютъ тулупы, чтобы пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей. Главное, бойтесь разногласій и не трусьте рѣшительныхъ мѣръ. Имѣйте въ головѣ одно: стрѣлять въ насъ не смѣютъ — изъ-за университета въ Петербургѣ вспыхнетъ бунтъ“.

Подобная наивная самоувѣренность петербургскихъ студентовъ на первый взглядъ можетъ показаться смѣшной, если принять во вниманіе условія политической жизни того времени. Однако, выступая на защиту своихъ насущныхъ интересовъ, студенчество вѣрно отвѣчало потребностямъ русскаго общества. Съ общедоступнымъ университетомъ былъ связанъ культурный прогрессъ страны, поэтому борьба за свободный доступъ въ университетъ должна была найти откликъ въ обществѣ.

„Путятинскія мѣропріятія, говоритъ Пантелѣевъ, вызвали неудовольствіе не въ одной только университетской средѣ или либеральныхъ литературныхъ кругахъ, все общество было ими взволновано, въ нихъ увидѣли явный поворотъ къ недавнему прошлому, къ ограниченію числа студентовъ и при томъ даже не по конкурсному экзамену, а на основаніи имущественнаго положенія“. По словамъ Кавелина „бѣдные дворяне и чиновники, готовившіе своихъ сыновей въ университетъ, были въ негодованіи, негодовали и всѣ, которымъ дорого просвѣщеніе какъ мало распространенное въ Россіи, составлявшее нашу насущную потребность. Совѣтъ петербургскаго университета протестовалъ противъ новыхъ правилъ, отказываясь имъ подчиниться. Интересная

полемика возгорѣлась между Аксаковымъ и Костомаровымъ по поводу студенческихъ волненій. Представитель славянофильства видитъ въ студенческомъ движеніи, „только бессмысленный крикъ и гамъ, а также неуваженіе къ наукѣ“. Ему отвѣчаетъ Костомаровъ: „волненіе студентовъ не безъ цѣли, у нихъ была цѣль, также показывающая уваженіе къ наукѣ. Ихъ возмутило прегражденіе пути бѣднымъ къ образованію“.

Студенчество объявило рѣшительную войну новымъ мѣропріятіямъ правительства. На сходкѣ въ петербургскомъ университетѣ было постановлено не подчиняться новымъ правиламъ, 50 рублей не платить, матрикюловъ и билетовъ для входа не признавать. Волненія настолько разрослись, что университетская администрація была принуждена закрыть университетъ. Тогда студенты перенесли свой протестъ на улицу. 25 сентября произошла студенческая демонстрація, привлекая вниманіе столичнаго населенія и закончившаяся арестами и избіеніями. Въ связи съ петербургскими волненіями началось движеніе и среди московскаго студенчества, при чемъ характерно, что главное участіе въ волненіяхъ принимали младшіе курсы, гдѣ, по выраженію Ашевскаго, было много бѣдняковъ. Кромѣ демонстрацій московскіе студенты прибѣгли къ такой формѣ защиты своихъ интересовъ какъ подача адреса на имя Государя съ изложеніемъ своихъ нуждъ. „Признавая священнѣйшимъ долгомъ своимъ строгое соблюденіе порядка и разумное повиновеніе закону“, московскіе студенты просили въ адресѣ Государя отмѣнить плату за слушаніе лекцій, разрѣшить имъ имѣть студенческія кассы взаимопомощи и избирать депутатовъ для сношеній съ начальствомъ. Какой бы лояльный характеръ не носилъ студенческій адресъ онъ не могъ предупредить уличныхъ демонстрацій и столкновеній съ полиціей. Въ обѣихъ столицахъ уличные выступления были неизбѣжнымъ завершеніемъ студенческихъ волненій.

Движеніе 61-го года произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ. Россія увидала впервые сознательное выступленіе массъ, объединенныхъ своими профессиональными интересами. Неудивительно поэтому, что въ революціонныхъ кружкахъ создавалось преувеличенное представленіе о политическомъ значеніи студенческаго движенія. „Колоколъ“ уже

даетъ студенческому движенію опредѣленные политическіе лозунги: независимость Польша, земля крестьянамъ, свобода Россіи“. Огаревъ въ томъ же „Кодоколѣ“ идетъ еще дальше и мечтаетъ о томъ, какъ студенты, „разсыпавшись по Россіи, перенесутъ кафедры во всѣ уголки Россіи и какъ они поведутъ народъ на борьбу за свободу. Университетъ, доступный только для богатыхъ, университетъ исключительно дворянскій въ Россіи невозможенъ. Университетская молодежь, рассыпавшись по Россіи, послужить соединительнымъ мостомъ для сословій. Она, обиженная шпионствомъ, изувѣченная полиціей, сосланная она скажетъ своимъ отцамъ и братьямъ изъ дворянъ, имѣющимъ смутное попятное названіе на гражданскую свободу, что дворянскія въ Россіи ничто иное, какъ чиновникъ нѣмецкаго правительства, что ему для того, чтобы сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, надо перейти въ народъ, что дворянской свободы не существуетъ и для того, чтобы достигъ себѣ свободы, они должны отдать народную землю, что въ этомъ спасеніе ихъ совѣсти, основа русскаго богатства и основа русскаго самоуправленія... Пускай закрываютъ университеты. Устройте кафедры въ городскихъ залахъ и въ волостныхъ избахъ, въ своей комнатѣ и на базарной площади“.

Придавая слишкомъ большое политическое значеніе студенческому движенію, Огаревъ тѣмъ самымъ какъ бы игнорируетъ профессиональный характеръ движенія. По Огареву выходитъ, что борьбу ведетъ не разночинное студенчество, непосредственно заинтересованное въ доступности университетскаго образованія, а обезпеченное землевладѣльческое студенчество, которое можетъ проповѣдовать своимъ отцамъ и братьямъ воздержаніе отъ классовой эксплуатаціи крестьянства. Огаревъ несомнѣнно увлекся. Одно число освобожденныхъ отъ платы студентовъ, превышающее половину всего студенчества, достаточно краснорѣчиво говоритъ, что не землевладѣльческое дворянское студенчество наложило свою печать на движеніе, и не ему принадлежитъ руководящая роль. Къ тому же мы знаемъ, что въ московскихъ волненіяхъ участвовали только младшіе курсы, „гдѣ было много бѣдняковъ“. Отчего же молчали старшіе курсы, гдѣ должны были быть студенты, имѣющіе отцовъ и братьевъ землевладѣльцевъ?

Какъ ни пріятно вмѣстѣ съ Огаревымъ видѣть дворянина студента въ роли борца за демократизацію образованія, однако, приходится всетаки констатировать, что движеніе 60-ти десятыхъ годовъ—это первый организованный протестъ поваго разночиннаго студенчества, тѣсно сплоченнаго общимъ социальнымъ экономическимъ положеніемъ. Стоя на почвѣ защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ: доступности университетскаго образованія и свободы корпоративной организаціи, студенчество мало думало о томъ, чтобы „послужить соединительнымъ мостомъ для сословій“. Профессиональное движеніе не ставило себѣ никакихъ политическихъ задачъ и не носило на себѣ слѣдовъ какой либо политической агитаціи. Подобную идеализацію движенія, которую мы встрѣчаемъ у Огарева и Герцена, можно объяснить лишь тѣмъ, что для революціонныхъ кружковъ было весьма желательно использовать первое массовое выступленіе интеллигенціи въ интересахъ политическаго освобожденія родины.

„Воззваніе къ молодому поколѣнію“, выпущенное Михайловымъ и Шелгуновымъ, приглашаетъ студенчество составлять революціонные кружки „итти на то великое дѣло, на которое поведутъ тѣни мучениковъ 14-го декабря“. „Мы обращаемся къ вамъ, говорятъ авторы воззванія, потому что считаемъ васъ людьми, болѣе всего способными спасти Россію. Вы—настоящая ея сила, вы вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску... все зло, сдѣланное намъ властью“.

Призывы Михайлова и Шелгунова не коснулись всей студенческой массы. Студенческіе революціонные кружки были весьма далеки по своему политическому настроенію отъ массоваго студенчества. Республиканцы изъ кружка братьевъ Критскихъ имѣли очень мало общаго съ московскими студентами, посылавшими адресъ Государю. Прокламація „Молодая Россія“, выпущенная московскимъ студенческимъ кружкомъ, требовавшая „всеобщаго равенства, республики русскаго, надѣла крестьянъ землей“, провозгласившая „революцію кровавую и неумолимую“ не имѣла успѣха въ широкихъ кругахъ студенчества, несмотря на то, что она говорила, что ея главная надежда—молодежь. По мнѣнію Бакунина „прокламація редакторовъ „Молодой Россіи“

не можетъ быть принята за серьезное выраженіе мнѣній передовой молодежи. Нѣсколько смѣлыхъ юношей собрались и издали прокламацію“.

Сочувствіе общества проявлялось постольку, поскольку мѣропріятія правительства нарушали его интересы. Попятно, почему „волновались бѣдные дворяне и чиповники“, почему, со словъ Никитенки, „Все смотрятъ на студентовъ какъ на мучениковъ. Ихъ дерзость, неповиновеніе закону и власти считаютъ геройствомъ, а правительство позорятъ всеми возможными способами“.

Въ то время какъ профессиональная борьба студенчества находила откликъ въ общественныхъ кругахъ, связанныхъ со студенчествомъ, простой народъ смотрѣлъ враждебно на студенческую „бунтъ“. Среди московскихъ охотворядцевъ циркулировали слухи, что студенты „идутъ противъ царя и хотятъ вернуть крѣпостное право“. Характерно, что темная народная масса видѣла въ студентахъ и въ интеллигентѣ прежде всего „барина“. Въ этомъ отношеніи она недалеко ушла отъ просвѣщеннаго сотрудника „Колокола“. Для нея какъ и для Огарева былъ незамѣтенъ процессъ народненія новой разночинной интеллигенціи, а потому и непонятенъ истинный смыслъ профессиональной борьбы студенчества.

Не одни революціонные кружки придавали серьезное значеніе студенческому движенію. Правительство было также озабочено выступленіемъ студенчества. Былъ поднятъ въ надлежащихъ сферахъ вопросъ объ отдахѣ студентовъ въ солдаты. Такимъ образомъ „солдатчина“, какъ *ultima ratio* полицейскихъ репрессій противъ студенческихъ волненій начала 20-го вѣка висѣла угрозой надъ головой студента еще на зарѣ студенческаго движенія.

Не сумѣвъ остановить движеніе репрессіями, правительство приходитъ къ неизбежной отмѣнѣ путятинскихъ правилъ и пересмотру университетскаго устава. Ему не удалось остановить культурное развитіе страны путемъ прегражденія доступа въ университетъ малоимущимъ слоямъ русскаго общества. Университетъ остался для того новаго студенчества, которое такъ поразило современниковъ своимъ внѣшнимъ видомъ, для тѣхъ, „которые плохо одѣты, ходятъ безъ калошъ и теплаго платья“. Новый уставъ не ограничивалъ

доступа въ университетъ. Но одержавъ побѣду въ самомъ жизненномъ для себя вопросѣ о платѣ, студенчество не добилося академической свободы. Академическія организаціи—необходимое условіе корпоративной жизни студенчества—не нашли себѣ выраженія въ уставѣ 63 года. Этотъ уставъ, предоставляя автономію профессорской корпораціи, совершенно игнорировалъ академическіе интересы студентовъ.

Профессура, занимая промежуточное положеніе между правительствомъ и студентами и тяготясь въ одинаковой степени вмѣшательствомъ администраціи и студентовъ въ дѣла университета, была удовлетворена новымъ уставомъ. Несмотря на откровенное признаніе Пирогова „что самый главный толчокъ, заставившій заняться реформой университета, былъ данъ студенческими волненіями“ считалось возможнымъ лишить студенчество свободы корпоративной жизни. Большинство профессоровъ считало по словамъ Милюкова, что студенческія волненія исчезнутъ послѣ введенія „профессорской автономіи и профессорскаго суда“.

Итакъ первый періодъ студенческаго движенія, ознаменовавшійся борьбой за общедоступный университетъ и отстоявшій болѣе или менѣе свободный доступъ въ него, не рѣшилъ академической проблемы. Орудія защиты профессиональныхъ интересовъ не были закрѣплены за студенчествомъ.

II.

Дальнѣйшій ходъ студенческаго движенія характеризуется борьбой за свободу собраній и студенческихъ организацій и неприкосновенность личности. Слѣдя за этой борьбой въ 70-хъ годахъ, мы не видимъ въ студенческомъ движеніи, какъ и въ 60 годахъ прямого политическаго характера. Борьба идетъ по линіи академизма. Средства борьбы тѣ же, что и раньше: нелегальныя сходки, демонстративныя петиціи и адреса.

Первые „землеволюцы“, захвативъ отдѣльныя личности изъ студенческой среды, не сообщили студенческой массѣ своихъ радикальныхъ лозунговъ. Со словъ одного изъ „землеволюцевъ“ масса учащейся молодежи не была тогда революціонно настроена. А потому „заговоръ“, „бунтъ“, „народ-

ная расправа⁴ прямо нукали ее, как нукал бы ее всякій насильственный шаг¹)²).

Поводомъ къ волненіямъ служили въ большинствѣ случаевъ стѣсненія корпоративной жизни студенчества, наслія надъ личностью студента, назначеніе нелюбимаго профессора.

Волненія 69-го года захватили петербургскій университетъ, мѣдиико-хирургическую академію, технологическій и лѣсной институтъ. Петербургскіе студенты выставили слѣдующія требованія: 1) права имѣть кассу т. е. помогать бѣднымъ товарищамъ, 2) права совѣщаться о своихъ дѣлахъ и въ 3) уничтоженія полицейской опеки.

Въ совѣщаніи министровъ подъ предсѣдательствомъ Валуева, созданномъ по поводу студенческихъ волненій 74-го года, одной изъ причинъ, вызвавшихъ беспорядки, указано: „Упраздненіе корпоративнаго устройства студенчества“. „Это упраздненіе корпоративнаго устройства студенчества“ повлекло за собой по мнѣнію совѣщанія, утрату „нравственнаго вліянія начальства и преподавателей“³).

Избіеніе харьковскихъ студентовъ и смерть арестованнаго въ клиникѣ студента послужили толчкомъ къ широкому выступленію, захватившему почти всѣ университетскіе города и высшія учебныя заведенія. Начинались студенческія волненія демонстративной подачей адресовъ и петицій и кончались избіеніями и арестами. Несмотря на то, что полицейскія насилія, казалось, сами вызывали въ студенческихъ волненіяхъ политической, антиправительственный элементъ, студенчество продолжаетъ стоять въ своей борьбѣ на строго академической почвѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ политическихъ лозунговъ.

Даже землевольцы, рѣшившіе использовать студенческое движеніе въ интересахъ народнической пропаганды, рекомендовали студенчеству такое средство защиты своихъ интересовъ, какъ составленіе адреса графу Палену съ указаніемъ на чинимыя полиціей насилія. Петиція Наслѣднику престола, поданная студентами мѣдиико-хирургической акаде-

¹) Аптекманъ. „Земля и Воля“ стр. 33. ²) Курсивъ, вѣдь, какъ и въ другихъ мѣстахъ нашъ.

³) Матеріалы по исторіи студенческаго движенія. (Извлеченіе изъ книги Георгіевскаго). Выпускъ 1, стр. 9.

міи, содержала просьбу студентовъ о разрѣшеніи сходокъ, устройства кассъ и библиотекъ и о заступничествѣ за харьковскихъ товарищей, избитыхъ полиціей.

Эти петиціи не увѣнчались успѣхомъ. Избіенія и аресты не только не прекратились, но еще болѣе увеличивались.

Суровыя расправы со студентами вызываютъ протесты въ обществѣ и профессорскихъ кругахъ. Совѣты Петербургскаго и Харьковскаго Университета ходатайствуютъ о разслѣдованіи полицейскихъ насилій. Въ докладной запискѣ, Харьковскіе профессора заявляютъ, что „образъ дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей города Харькова возбуждаетъ во всѣхъ насъ чувство неумолимаго негодованія“. Во имя „достоинства, нравственнаго вліянія и полезной въ обществѣ роли Харьковскаго университета“ профессора просятъ о правосудіи.

Землевольцы, которые раньше агитировали за подачу адреса Гр. Палену, теперь призываютъ студентовъ къ расправѣ съ полиціей. „Не правы ли мы были—говорить „Земля и Воля“ въ № 3,—когда въ воззваніи „Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ“ предрекали, что скоро будутъ душить и рѣзать на улицахъ? Не правы ли мы были, когда сравнивали студентовъ съ лишенными всѣхъ правъ состоянія каторжанами? Спросимъ мы теперь, какой отвѣтъ возможенъ со стороны молодежи на эту травлю пьяными казаками и жандармами?... (Ужели) ей остается слѣдовать совѣту Харьковскихъ профессоровъ и „заняться наукой“ въ ожиданіи новыхъ избіеній? Нашъ совѣтъ студентамъ, какъ и всегда—продолжайте разъ начатое дѣло, не останавливайтесь на полдорогѣ, не создавайте въ своей молодости подлаго прецедента отреченія отъ своей цѣли при первой возможности“.

Сочувствіе общества, какъ и въ 60-хъ годахъ, на сторонѣ студенчества. Доступный университетъ и широкое распространеніе университетскаго образованія отвѣчаетъ интересамъ не однихъ только низшихъ слоевъ русскаго общества, поставляющихъ самый значительный контингентъ студенчества, но также и высшихъ слоевъ его, заинтересованныхъ въ культурномъ прогрессѣ страны. Настроеніемъ общества очень недовольно „Совѣщаніе гг. Министровъ по поводу студенческихъ волненій“. Совѣщаніе констатируетъ, что „настроеніе родителей и родственниковъ и вообще всего

общества нисколько не содѣйствуетъ начальству въ охраненіи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Заботы родственниковъ направлены не къ основательному образованію учащихся, а къ скорѣйшему приобрѣтенію ими извѣстныхъ правъ и преимуществъ и, въ случаѣ безпорядковъ молодые люди въ нихъ виновные, находятъ себѣ нравственную поддержку и даже полуласное одобреніе, не только въ кругу ихъ родственниковъ, но и въ средѣ лицъ постороннихъ, со стороны такъ называемаго общественнаго мнѣнія¹⁾.

Студенческія волненія опять наводятъ правительство на мысль ограничить доступъ въ университетъ. Въ Валувскомъ совѣщаніи министровъ поднимался вопросъ объ ограниченіи доступа въ университетъ малоимущимъ. Обращено было особое вниманіе на „умѣренность платы“, привлекающую въ университетъ бѣдноту, лишнюю „всякаго матеріальнаго обезпеченія и всякой семейной опоры, которая въ борьбѣ съ нуждой и всякаго рода лишениями, постоянно въ напряженномъ и раздраженномъ состояніи, легко поддается вліянію злонамѣренныхъ литературныхъ и нелитературныхъ агитаторовъ“. Русское правительство чувствовало прямую связь между демократическимъ составомъ университета и студенческими волненіями. Оно не могло простить разночинцу, что онъ внесъ духъ протеста въ дотошъ спокойный дворянскій университетъ. Съ фигурой разночинца реакція связывала представленіе о новомъ непокорномъ, бунтующемъ студентѣ, требующемъ свободной корпоративной организаціи, идущей въ разрѣзъ съ современнымъ политическимъ строемъ.

Милюковъ приводитъ любопытныя данныя объ имущественномъ положеніи русскихъ студентовъ. „Въ началѣ 70-хъ годовъ, напр., въ Казанскомъ университетѣ 28% студенчества могло существовать на свои средства, остальные 72% жили на стипендіи и пособія. Въ Кіевскомъ университетѣ, по разслѣдованію Бунге, отъ 60% до 70% принадлежало къ недостаточнымъ. Въ Одессѣ количество необезпеченныхъ доходило, по приблизительному разсчету, даже до 80%. По всѣмъ 3-мъ университетамъ число студентовъ, пользовавшихся той или другой льготой увеличи-

¹⁾ Материалы стр. 10.

лось съ 1866 года по 1874 годъ съ 49% до 78%²⁾. По свѣдѣніямъ Иванцова²⁾, однихъ только освобождаемыхъ отъ платы было въ 1-мъ полугодіи 1876 года въ Московскомъ университетѣ 55%, а во 2-мъ полугодіи—59%.

Мѣры, предпринимаемыя правительствомъ для ограниченія доступа въ университетъ малоимущимъ, не достигали цѣли. „Ни препятствія для поступленія въ университетъ семинаристовъ и евреевъ, пишетъ Милюковъ, ни увеличеніе платы вслѣдствіе введенія гонорара не измѣнило сколько-нибудь замѣтно социальнаго состава русскаго студенчества и не подняло % зажиточныхъ слушателей. Потребность въ корпоративной жизни и корпоративныхъ учрежденіяхъ не уменьшилась, а увеличилась“.

Также безуспѣшными оказались и репрессіи по отношенію къ студенчеству. Движенія не могли остановить ни избіенія демонстрантовъ, ни угрозы солдатчиной, ни учрежденіе инспекціи и ограниченіе власти университетскихъ совѣтовъ.

Правительство и профессора прекрасно сознавали, что главнымъ требованіемъ студенчества является свобода корпоративной жизни. Совѣтъ Петербургскаго университета, наученный горькимъ опытомъ почти 20-ти лѣтняго существованія профессорской автономіи при студенческомъ безправіи, уже не повторяетъ ошибки своего предшественника въ 1863 году. Спрошенный правительствомъ о причинахъ студенческихъ волненій, онъ опредѣленно указываетъ на отсутствіе корпоративной свободы, какъ на главный тормозъ нормальной академической жизни. Однако мнѣніе Петербургскаго Совѣта не отражало настроенія всей профессуры. Московскій профессоръ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ не согласенъ съ точкой зрѣнія своихъ петербургскихъ коллегъ. Онъ полагаетъ, что „когда сходки обратятся въ право, онѣ сдѣлаются явленіемъ постояннымъ и нормальнымъ. Запрещеніе ихъ будетъ казаться дѣйствіемъ произвола. Подобная мѣра—ничто иное, какъ узаконеніе агитаціи, парламентъ несовершеннолѣтнихъ, учрежденный въ

¹⁾ Милюковъ. Университетъ. Энциклопедическій словарь. Брокгауза и Ефрона.

²⁾ Иванцовъ. Историческая записка о дѣятельности Общества для пособія нужд. студ.

странѣ, гдѣ не существуетъ парламентской жизни и среди взрослыхъ“. Конечно, Чичеринъ былъ правъ, указывая на несоотвѣтствіе общаго гражданскаго безправія съ студенческимъ правомъ сходокъ, организацій, самоуправленія. Страннымъ только кажется его упованіе на спасительное дѣйствіе „разумнаго руководства“ студенческой массы профессорами и его пренебрежительное отношеніе къ профессиональнымъ интересамъ студенчества. Какіе плоды дало „разумное руководство“ профессоровъ, онъ могъ наблюдать непосредственно на практикѣ профессорской автономіи, ознаменовавшейся непрерывными студенческими волненіями. Упорное же, стоющее столькихъ жертвъ, отстаиваніе студенчествомъ своихъ профессиональныхъ интересовъ, начиная съ 60-хъ годовъ, могло, казалось, убѣдить профессора, что студенческая борьба серьезнѣе, чѣмъ онъ думаетъ.

Безуспѣшность репрессій повліяла на перемену правительственной политики по отношенію къ студенчеству. Новый министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ разрѣшилъ представителямъ Московскихъ студентовъ выработать проектъ будущаго корпоративнаго устройства. Былъ смягченъ даже надзоръ инспекціи. Однако новый правительственный курс держался недолго. Въ концѣ концовъ Сабуровъ долженъ былъ отказаться отъ мысли примирить корпоративное учрежденіе студенчества съ политическимъ режимомъ въ странѣ.

Обманутое въ своихъ ожиданіяхъ студенчество не оставило академической борьбы. На актѣ 8-го февраля 1880 г. въ Петербургскомъ университетѣ, представитель правительства по прочтеніи отчета министерства народнаго просвѣщенія выслушалъ отъ одного изъ представителей студенчества слѣдующую отвѣдь: „Изъ отчета ясно: единодушныя требованія всѣхъ университетовъ оставлены безъ вниманія. Насъ выслушали для того, чтобы посмѣяться надъ нами? вмѣстѣ съ насиліемъ насъ хотятъ подавить хитростью. Но мы понимаемъ лживую политику правительства, ему не удастся остановить движеніе русской мысли обманомъ. Мы не позволимъ издѣваться надъ собою...“

Студенческія волненія не прекращались почти во всѣхъ университетскихъ городахъ въ продолженіи 1880, 1881, 1882 года. Къ требованіямъ академической свободы прибавилось новое, требованіе уничтоженія инспекціи.

Народовольцы, какъ и землевольцы, пользовались повышенной атмосферой, создававшейся при студенческихъ волненіяхъ, для своей соціально-революціонной агитаціи въ интеллигентской средѣ студенчества. Фонъ-Плеве на совѣщаніи министровъ не даромъ говорилъ, что крамола производитъ во время студенческихъ безпорядковъ свой рекрутскій наборъ. Дѣйствительно, главной цѣлью народовольческой агитаціи было превратить академическое движеніе студенчества въ революціонно интеллигентское. Въ приложеніи къ одному изъ листковъ „Народной Воли“ мы читаемъ „мелкія чисто-студенческія волненія вродѣ лишенія стипендіи одного изъ студентовъ, вызвавъ волненіе въ одномъ, двухъ кружкахъ, взволновали постепенно лучшую часть молодежи, переносили движеніе отъ мелкихъ причинъ первоначальнаго броженія на широкую почву общественнаго недовольства существующей системой отношеній правительства къ интеллигенціи и дѣлали молодежь представительницей общественнаго протеста“.

Русская интеллигенція, вызванная къ жизни капиталистическимъ развитіемъ страны, въ своемъ стремленіи приложить свой культурный трудъ, встрѣтила препятствія въ феодально-самодержавныхъ формахъ государственнаго строя, тормозящаго всякое культурное развитіе. Еще Пироговъ въ 60-хъ годахъ отмѣтилъ то, характерное для Россіи явленіе, что интеллигентскій трудъ не находитъ себѣ приложенія, когда не только не можетъ быть рѣчи о какомъ либо перепроизводствѣ интеллигенціи, но когда остаются неудовлетворенными самыя элементарныя культурныя потребности страны. „Мы видимъ уже, говоритъ Пироговъ, врачей, которыхъ едва доставало во время войнъ и холеры, теперь безъ куска хлѣба и вовсе лишніхъ для населенія, которое не лѣчится, видимъ учителей и чиновниковъ безъ мѣстъ, а все-таки чувствуемъ недостатокъ въ образованныхъ людяхъ“.

На почвѣ противорѣчія интересовъ интеллигенціи, какъ представительницы умственнаго труда, съ русской дѣйствительностью, ставящей препятствія культурному развитію страны, сложилась соціально-революціонная идеологія русскаго интеллигента-разночинца. На той же почвѣ создалось „недовольство существующей системой отношеній правительства къ интеллигенціи“, о которомъ говорила Народная Воля.

Студенчество, объединенное корпоративными интересами, являлось единственной организованной массой, способной достаточно вѣско выразить интеллигентскій протестъ противъ современнаго политическаго строя. Отсюда вытекаетъ стремленіе Народной Воли опереться на студенчество въ борьбѣ съ самодержавіемъ.

По мѣрѣ того, какъ отвергаются академическія требованія студенчества, и мирныя демонстраціи съ петиціями и адресами превращаются въ кровавыя расправы полиціи со студентами, студенческое движеніе выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ академизма. Но прежде чѣмъ стать „представительницей общественнаго протеста“, носительницей опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ, студенческая интеллигенція должна была пройти довольно продолжительную стадію освобожденія отъ академическихъ иллюзій. Характерно, что „Народная Воля“, которая хочетъ уже теперь видѣть въ студенческомъ движеніи сознательно политическій элементъ, признается въ № 5 „Народной Воли“, что студенчество „какъ всякая масса не отличается безусловнымъ радикализмомъ. *Объ крайнія партіи (Народная Воля и Черный Передѣлъ) составляютъ, какъ вездѣ, меньшинство*“.

„Народная Воля“ стремится доказать студенчеству бесплодность академической борьбы и неизбѣжную необходимость борьбы политической. Въ прокламаціи отъ 25 окт. 1881 г. Центральный Кружокъ С.-Петербургскаго Университета заявляетъ: „Много силъ и жертвъ потрачено на отстаиваніе чисто-студенческихъ интересовъ. Пора намъ понять, т. е., что недостатки университетскаго быта, неустройство студенческой жизни вообще, являются неизбѣжнымъ результатомъ болѣе глубокихъ причинъ, чѣмъ воля и усмотрѣніе университетскаго начальства, даже Министра Народнаго Просвѣщенія. Пора намъ дать своимъ силамъ болѣе полезное примѣненіе, чѣмъ было до сихъ поръ и перенести нашу борьбу на болѣе широкую почву. Прямое и непосредственное участіе въ борьбѣ за свободу и права народа—такова должна быть наша задача“. Если мы вспомнимъ отношеніе къ студенческому движенію землевольцевъ, то намъ должна броситься въ глаза эволюція революціонной интеллигентской мысли по отношенію къ студенческому движенію. Землевольцы привѣтствовали академическое движеніе,

стараясь внести въ него планомѣрность. Народовольцы же, призывая студенчество къ организаціи и къ политическому выступленію, отвергаютъ академическое движеніе. Для нихъ жертвы академическаго движенія — напрасныя, бесплодныя жертвы. Прокламація Центрального Кружка молодежи „Народной Воли“ говоритъ о вредѣ, причиняемомъ академическимъ движеніемъ. „Большинство студенчества, по мнѣнію авторовъ прокламаціи, состоящее изъ людей „честныхъ порывовъ“, а не твердо сложившихся убѣжденій, деморализуется высылками и связанными съ ними матеріальными и духовными лишеніями. Не пора ли въ самомъ дѣлѣ оставить мелкую борьбу съ врагомъ на почвѣ кастовыхъ (студенческихъ) интересовъ и готовиться къ борьбѣ серьезной и великой“. Съ презрѣніемъ отвергая *кастовые интересы студенчества*, „Народная Воля“ забываетъ, что только на почвѣ защиты этихъ кастовыхъ интересовъ могло сложиться то студенческое движеніе, которое по ихъ мнѣнію должно превратиться въ борьбу интеллигенціи съ правительствомъ. Призывая студенчество къ объединенію и организаціи, „Народная Воля“ принуждена все-таки взывать къ академическимъ интересамъ, которые оно называетъ кастовыми. Что другое, какъ не академическая борьба, заставила русскаго студента увидеть за спиной университетской администраціи, администрацію общую, за спиной министра народнаго просвѣщенія общую политику правительства.

Студенчество матеріально заинтересовано, находясь въ университетскихъ стѣнахъ, въ регулированіи своихъ университетскихъ и учебныхъ дѣлъ (платы за ученіе, свободныхъ организацій и т. п.). Отсюда вытекаетъ стремленіе къ академической свободѣ. Въ насущныхъ интересахъ студента кроется причина непрерывныхъ волненій студентовъ, повторяющихся „съ фатальной правильностью и неизбѣжностью“, на которые указываетъ „Народная Воля“. Невозможность осуществить въ предѣлахъ современнаго политическаго строя академическую свободу приводитъ студенчество къ политической борьбѣ точно такъ же, какъ невозможность осуществить въ предѣлахъ даннаго строя экономическія требованія, приводитъ пролетаріатъ къ революціонной борьбѣ.

Порожденная капитализмомъ интеллигенція всѣхъ странъ, бѣ буржуазіи и пролетаріату, заинтересована въ уничто-

женіи всѣхъ остатковъ феодально-крѣпостного строя. Мы видимъ поэтому интеллигенцію и студенчество во главѣ почти всѣхъ буржуазныхъ революцій. Не представляя сама по себѣ сколько-нибудь замѣтной, реальной общественной силы, интеллигенція имѣетъ успѣхъ только тогда, когда за ней стоятъ революціонныя общественныя группы. Всякое изолированное и самостоятельное выступленіе интеллигенціи неминуемо ведетъ къ пораженію. Такова судьба интеллигентскихъ выступленій на Западѣ, такая же судьба ждала „Народную Волю“, когда она звала студенчество на самостоятельное политическое выступленіе.

III.

⁴ Народовольцамъ не удалось превратить академическое движеніе въ политическое, революціонно-интеллигентское. Они были разгромлены раньше, чѣмъ успѣли пустить глубокія корни въ студенческой средѣ. вмѣсто широкаго политическаго выступленія, студенчество пытается въ предѣлахъ существующаго политическаго строя удовлетворять свои профессионально-академическія потребности. Къ началу 80-хъ годовъ относится расцвѣтъ землячества — экономическихъ организацій взаимопомощи. Эти организаціи возникли и росли по мѣрѣ увеличенія числа недостаточнаго студенчества, повышения платы ученія и вздорожанія жизни въ университетскихъ городахъ.

Въ 80—90-хъ годахъ, какъ и въ 70-хъ, замѣчается повышение процента необезпеченнаго студенчества по отношенію къ общему числу студентовъ. По отчету 76 года, говоритъ Иванцовъ, изъ 1301 студента Московскаго Университета было 33 крестьянина, 27 солдатскихъ дѣтей, 127 мѣщанъ, всего 187 принадлежащихъ къ малосостоятельнымъ, что составитъ 14% общаго числа студентовъ. По отчету же 96 года изъ 4147 студентовъ было 200 крестьянъ, 78 казаковъ, 1085 мѣщанъ, разночинцевъ, купцовъ 2-й гильдіи, всего 1363 принадлежащихъ къ сословіямъ, которыя не отличаются зажиточностью, т. е. почти 33% общаго числа студентовъ. Если причислить сюда, прибавляетъ Иванцовъ, мелкихъ чиновниковъ, которые сплошь и рядомъ бываютъ

бѣднѣ крестьянскихъ дѣтей, то этотъ процентъ увеличится почти вдвое.

Студенческой пролетаріатъ въ 30-хъ годахъ продолжалъ беспокоить правящія сферы. Въ немъ видѣли главнаго виновника студенческой смуты. Поэтому были приняты особыя мѣры къ его изытію изъ университета въ видѣ повышения платы, лишенія стипендій и т. п. Но эти мѣры не помогали, и разночинецъ продолжалъ досажать правительству своимъ присутствіемъ въ университетѣ. До тѣхъ поръ вообще, пока университетскій дипломъ не перестанетъ служить якоремъ спасенія для разоряющихся подъ вліяніемъ капитализма социальныхъ слоевъ русскаго общества, никакіе бумажные циркуляры не въ силахъ остановить наплыва разночипца въ университетъ.

Каждый, кто имѣлъ соприкосновеніе съ Московскимъ Университетомъ, говоритъ Чупровъ, хорошо знаетъ; что главная масса его студентовъ набирается изъ недостаточныхъ слоевъ нашего общества. Распределеніе студентовъ по сословіямъ показываетъ, что не вершины нашего общества доставляютъ основной контингентъ университетскихъ питомцевъ. Въ средѣ воспитанниковъ Московскаго Университета имѣется около 60% такихъ, которымъ приходится считаться съ матеріальной нуждой¹⁾.

Новый уставъ 84 года вмѣстѣ съ уничтоженіемъ профессорской автономіи и установленіемъ полицейскаго контроля надъ университетомъ, подымаетъ плату за ученіе почти вдвое (введенъ особый взносъ въ пользу профессоровъ). Также особыя правила устанавливали строгія мѣры къ быстрому взысканію платы за ученіе, число освобождаемыхъ отъ платы было уменьшено. Одновременно правительство было озабочено прегражденіемъ доступа въ гимназію необезпеченнымъ слоямъ русскаго общества²⁾. Циркуляръ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 18 іюня 1887 года запрещалъ поступать въ гимназію нѣкоторымъ слоямъ общества (такъ называемый циркуляръ „о кухаркиныхъ дѣтяхъ“).

¹⁾ О ростѣ студенческой нужды намъ указываетъ отчетъ Общества пособия нуждающимся студентамъ. Въ 74 году общество внесло плату за 9% студентовъ по отношенію къ общему числу, а въ 94 году уже за 16%.

²⁾ Плата за ученіе до 87 года была отъ 15 до 50 руб., а послѣ 87 года она увеличилась до 70 рублей.

Университетская политика въ 80-хъ годахъ была яркимъ отраженіемъ общей реакціонной политики правительства, стремящагося поворотить колесо исторіи назадъ къ порядкамъ, господствовавшимъ въ крѣпостную эпоху, когда не было мѣста никакимъ культурнымъ начинаніямъ. Встрѣчая поддержку въ средѣ реакціонныхъ круговъ дворянства, правительство не находило одобренія въ рядахъ буржуазно-демократическаго общества, для котораго культурное преуспѣяніе Россіи было залогомъ ея экономическаго подъема. О настроеніи этой части общества мы можемъ судить по газетѣ „Русскія Вѣдомости“, отражавшей взгляды передовыхъ слоевъ его. Въ № отъ 13 окт. 1884 г., призывая общество притти на помощь недостаточнымъ студентамъ, газета говоритъ: „Это въ порядкѣ вещей“, — скажутъ нѣкоторые — „для чего университетскій курсъ бѣднякамъ, которымъ приходится въ студенческіе годы думать не о наукѣ, а о кускѣ насущнаго хлѣба? Фарисейскія слова! Если бы наше общество и привительство всегда раздѣляли подобныя взгляды, начинающіе теперь входить всюду, то наша страна не владѣла бы даже и тѣми скудными зачатками просвѣщенія и культуры, какими она обладаетъ теперь. Присмотритесь, изъ какихъ слоевъ Общества вербуются у насъ учителя, профессора, врачи, техники, судьи, администраторы и т. п. За немногими единичными исключеніями—это все люди, которые вышли изъ класса разношцецевъ и съ первыхъ шаговъ сознательной жизни должны были вести борьбу-за существованіе... Аристократическая спѣсь не къ лицу нашей нищей мужицкой странѣ. При нашемъ почти повальномъ невѣжествѣ, при нашей бѣдности, при крайней рѣдкости специально подготовленныхъ людей во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, мы должны лелѣять, беречь, какъ зеницу ока, cadaго, кто обрекаетъ себя на долгіе годы научной работы... Мы разучимся грамотѣ, погибнемъ отъ болѣзни, пропадемъ отъ крючкотворства, если будемъ ждать того времени, когда аудиторіи нашихъ университетовъ наполнятся богачами, и въ ожиданіи этого будущаго станемъ равнодушно смотрѣть на жизненную трагедію, постигающую молодежь изъ бѣдныхъ классовъ. Можно надѣяться, что здравый смыслъ нашего общества не допуститъ успѣховъ подобнаго самоубійственнаго направленія. Такъ, устами „Рус-

скихъ Вѣдомостей“, отвѣчала реакціи молодая Россія, интересы которой требовали свободнаго культурнаго развитія.

Само студенчество путемъ товарищеской взаимопомощи стремится спасти свое положеніе въ университетѣ передъ надвигающейся опасностью. Землячества быстро распространяются по всѣмъ университетскимъ городамъ, сплачивая недостаточное студенчество. Мечтой организаторовъ союза землячествъ въ Москвѣ было поднять уровень содержанія всѣхъ студентовъ до средней нормы въ 20 руб. въ мѣсяцъ. Но даже эта скромная цифра была недостижимымъ идеаломъ для студенчества. Помощь, оказываемая землячествомъ студенту далеко не доходила до этой цифры.

Съ теченіемъ времени самостоятельныя экономическія ячейки образуютъ общія союзы землячествъ, объединяющіе недостаточное студенчество почти всего университета. Не смотря на то, что землячества, какъ нелегальныя организаціи терпѣли полицейскія претѣсненія согласно § 16 университетскихъ правилъ, запрещавшему участіе „въ кружкахъ хотя бы не имѣющихъ преступной цѣли“, союзъ состоялъ къ 94 году уже изъ 43-хъ землячествъ съ числомъ членовъ до 1700 чел. Уставъ союза ставилъ своей цѣлью поднятіе нравственнаго и умственнаго уровня студенчества, защиту общими силами своей самостоятельности и интересовъ отъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій и матеріальную взаимопомощь. Дѣятельность союза выражалась въ устройствѣ кружковъ саморазвитія и библиотекъ, въ организаціи матеріальной взаимопомощи (кассы, бюро для доставленія занятій, регулированіе стипендій и пособій) и „въ борьбѣ съ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ для достиженія свободы академическаго изученія и преподаванія, болѣе свободнаго доступа въ университетъ, университетскаго самоуправления, помощи лицамъ, пострадавшимъ за общее дѣло¹⁾. На ряду съ нелегальными организаціями-землячествами, уставъ Московскаго Союзнаго Совѣта предусматривалъ полуправильныя курсовыя организаціи, задача которыхъ состояла въ широкой взаимопомощи всѣхъ студентовъ, не входящихъ въ землячества. Курсовыя организаціи союзный со-

¹⁾ Мельгуновъ. Студенческія организаціи въ 80—90 годахъ, стр. 12.

вѣтъ оставлялъ подъ своимъ контролемъ. Онѣ должны были завѣдывать прошеніями объ освобожденіи отъ платы, полученіемъ степеній и т. п. Комиссія этихъ организацій составляла бюро для спроса и предложенія занятій на лѣтнее и зимнее время (уроки, переписка и т. п.).

Землячества первоначально преслѣдовали исключительно профессиональныя цѣли. Насколько они были далеки отъ политическихъ задачъ указываютъ дебаты на первомъ собраніи союза землячествъ. Депутаты отъ Смоленскаго и Сибирскаго землячества въ отвѣтъ на выраженное нѣкоторыми депутатами пожеланіа, чтобы землячества преслѣдовали кромѣ экономическихъ цѣлей и нравственныя, заявляютъ: „землячества страшатся слова: „нравственность“, такъ какъ недостаточно ясно его понимаютъ; они, напр., боятся, что союзный совѣтъ, забравши въ свои руки власть, воспользуется этимъ словомъ, чтобы толкнуть дѣятельность союза на революціонный путь ¹⁾).

Студенческія волненія 84 года, возникшія послѣ введенія новаго университетскаго устава, носили узкую академическую окраску. Студенчество протестовало противъ новаго устава, ограничивающаго доступъ въ университетъ, противъ общей политики Министерства Народнаго Просвѣщенія и, главнымъ образомъ, противъ института инспекціи. „Въ Петербургскомъ Университетѣ, говоритъ Георгіевскій, беспорядки были направлены противъ ректора Владиславлева въ такой же мѣрѣ, какъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Одессѣ они были направлены противъ инспекторовъ Брызгалова, Алякрицкаго, Потапова, Балдина и вообще противъ инспекціи ²⁾“. Начинались волненія съ сходокъ и петицій какъ и въ 60—70-хъ годахъ и оканчивались, по обыкновенію, избіеніями и арестами.

Какое сильное впечатлѣніе произвели послѣднія мѣропріятія правительства на студенчество, мы видимъ изъ воззванія Казанскихъ Студентовъ, выпущеннаго по поводу послѣднихъ событій въ университетской жизни. Воззваніе обращается къ студенчеству со слѣдующими словами: „Товарищи! Тяжкимъ бременемъ легъ новый университетскій

¹⁾ Цитирую по Мельгунову.

²⁾ Материалы по исторіи студенческаго движенія. Извлеченіе изъ книги Георгіевскаго, стр. 106, выпускъ 1-й.

установъ на насъ. Васъ, питомцевъ дорогой Alma Mater, васъ представителей молодой интеллигентной мысли, онъ отдалъ во власть шпионствующей инспекціи, онъ съузилъ и низвелъ на „нѣтъ“ значеніе профессорской коллегіи, сдѣлалъ изъ нихъ учителей-чиновниковъ, онъ ограничилъ доступъ въ университетъ сыновьямъ бедныхъ отцовъ, увеличилъ взносы за право слушанія лекцій, установилъ тяжелыя условія для полученія стипендіи и т. д. Но еще не все: Циркуляръ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 18 іюня 1887 года лишилъ вашихъ юныхъ братьевъ возможности даже получить гимназическое образованіе. Наконецъ, въ московскихъ событіяхъ 23, 24, 25 ноября текущаго года, когда лилась кровь нашихъ товарищей (два студента было убито), когда нагайки свистали надъ головами ихъ, въ этихъ событіяхъ нанесено было тяжелое оскорбленіе всей русской молодежи. Казанскіе студенты! неужели мы не встанемъ въ защиту поправныхъ правъ нашихъ университетовъ, неужели мы не выразимъ нашего протеста передъ разыгравшейся во всю ширь реакціей“!

Движеніе началось съ мирныхъ петицій, въ которыхъ студенты почти всѣхъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній просили объ уничтоженіи инспекціи и уменьшеніи платы. Петиція петербургскихъ студентовъ указываетъ, что „впервые пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни“ ¹⁾.

Постепенно разрастаясь студенческія волненія охватили почти всѣ университеты. Они превлекли особенное вниманіе правительства, не ожидавшаго, повидимому, такого протеста въ моментъ сильнѣйшей политической и общественной реакціи. Насколько серьезно въ административныхъ сферахъ отнеслись къ студенческому движенію указываетъ объявленіе Москвы на положеніи усиленной охраны. Въ студенческихъ беспорядкахъ увидѣли угрозу общественной тишинѣ и спокойствію. Особеннымъ преслѣдованіямъ подверглись землячества, которыя въ то время стояли вдали отъ

¹⁾ Мельгуновъ стр. 23.

политики. Опасность землячества видѣли въ томъ, что они укрѣпляли положеніе въ университетѣ ненавистнаго разночинца, виновника всѣхъ волненій. Для представителей реакціи связь революціоннаго настроенія студента съ его матеріальнымъ положеніемъ была несомнѣнна. Недаромъ, университетская политика правительства, начиная съ 60-хъ годовъ, сводится почти исключительно къ борьбѣ съ необеспеченнымъ студенчествомъ съ цѣлью изъять его изъ университета. Повышеніе платы, лишеніе стипендій были самыми распространенными средствами борьбы противъ студенчества. Но эти средства борьбы оказались недостаточными радикальными для профессора Владиславлева, который представилъ свой особый проектъ искорененія разночинца. По этому проекту слѣдуетъ попросту исключить изъ Петербургскаго университета всѣхъ необеспеченныхъ, и подозрѣваемыхъ въ „неблагонадежности“ студентовъ. Свой проектъ Владиславлевъ защищаетъ въ особой запискѣ, представленной Министру народнаго просвѣщенія, которая послужила ему какъ бы диссертацией на полученіе званія „ректора по назначенію“¹⁾. Въ своей замѣчательной запискѣ почтенный „жрецъ науки“ рисуетъ цѣлую Одиссею русскаго студента, не забывая мельчайшихъ подробностей студенческихъ скитаній въ погонѣ за заработкомъ. „Надобно сказать, пишетъ Владиславлевъ, что именно бѣдняки льнутъ къ Петербургскому Университету, думая скорѣе тутъ устроиться, чѣмъ въ провинціальномъ городѣ и легче получить стипендію, такъ какъ ихъ здѣсь много. Попавъ въ Петербургъ, такой студентъ оглушается шумомъ большого города, его глаза разбѣгаются на жизнь, которая несется мимо него, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, разбитымъ, никому не нужнымъ, даже въ университетѣ имъ никто не интересуется, развѣ для полученія отъ него денегъ и исполненія разныхъ формальностей. Между тѣмъ крамола ловитъ его въ читальнѣ, въ университетскомъ буфетѣ, сначала черезъ мѣстнаго земляка, съ которымъ онъ естественно желаетъ сблизиться и отъ котораго думаетъ получить совѣтъ и практическія указанія, въ публичномъ скверѣ, гдѣ уныло слоняясь, такъ какъ никакихъ знакомствъ нѣтъ, онъ иногда встрѣчается

¹⁾ Черезъ нѣкоторое время Владиславлевъ былъ назначенъ ректоромъ Петербургскаго университета.

съ добрыми людьми, готовыми подслужиться уроками, полезнымъ развивающимъ чтеніемъ и, наконецъ, знакомствомъ съ радѣтелями о благѣ народномъ на особыхъ квартирахъ съ женщинами“¹⁾.

Подмѣтивъ характерную черту въ формированіи идеологии „никому ненужнаго“ разночинца, Владиславлевъ, какъ и многіе другіе изъ правительственнаго лагеря, преувеличивали революціонность студенчества. Не только студенчество въ массѣ, но и руководящіе его органы были далеки отъ революціонныхъ задачъ. На второмъ студенческомъ съѣздѣ представители землячества высказались противъ устройства какихъ либо беспорядковъ, которые по ихъ мнѣнію только дезорганизируютъ студенческую массу. Студенчество должно, по ихъ мнѣнію, выработать „правильную тактику“. Студенческая сплоченная организація уже самымъ своимъ существованіемъ должна заставить считаться съ собой. Она должна доказать, такъ думалъ ранѣе Московскій Союзный Совѣтъ, безопасность своего существованія „для общественнаго спокойствія и порядка“²⁾. Боязнь политики и увлеченіе академическими иллюзіями характеризуютъ, такимъ образомъ, не одни только широкіе круги студенчества.

Реакцію всего болѣе пугала солидарность интересовъ студенчества, которая формировалась въ землячествахъ. Въ этой солидарности она видѣла призракъ надвигающейся политики. Чтобы не дать развиваться этой солидарности и въ то же время сломить независимый духъ студенчества, начинаютъ проектировать нѣчто въ родѣ студенческой зубатовщины, которая заключалась въ устройствѣ казенныхъ общежитій подъ строгимъ полицейскимъ контролемъ. Въ брошюрѣ, изданной Правленіемъ Московскаго Университета по поводу устройства общежитій, очень опредѣленно указывается главная цѣль, которую должны преслѣдовать общежитія— это подрывать значеніе землячества. „Студенты поставлены, такъ сказать, говорится въ брошюрѣ, между двухъ огней. Стремленіе ихъ освободиться отъ матеріальной эксплуатаціи и отъ гнета неблагоустроенности путемъ взаимопомощи ввергаетъ ихъ въ другую крайность, болѣе опасную эксплуатацію нравственнаго характера, такъ какъ студенческія

¹⁾ Матеріалы. Стр. 95 Вып. I.

²⁾ Мельгуновъ. Стр. 23.

организации съ цѣлью взаимопомощи имѣють склонность дѣлаться удобной средой политической агитации. Къ сожалѣнію, эти свойства студенческихъ землячествъ и другихъ студенческихъ организаций съ цѣлью взаимопомощи проявляютъ упорную стойкость не поддающуюся никакимъ благо-разумнымъ воздѣйствіямъ ¹⁾. Развитие студенческаго движенія во многомъ напоминаетъ развитие рабочаго движенія. Академизмъ соотвѣтствовалъ такъ называемому „экономизму“ господствовавшему на зарѣ рабочаго движенія. Академизмъ и экономизмъ гнали отъ себя политику, а она властно вривалась, разрушая на своемъ пути академическія и экономическія иллюзіи.

Съ наступленіемъ новаго царствованія въ 1894 году, московскіе студенты рѣшаютъ подать молодому Государю петицію съ изложеніемъ своихъ нуждъ. За ея организацию взялся Союзный Совѣтъ, который выставилъ въ петиціи слѣдующія академическія нужды: 1) университетское самоуправленіе 2) свобода преподаванія 3) свободный доступъ къ высшему образованію всѣхъ получившихъ среднее, безъ различія національностей, вѣроисповѣданія и пола 4) Уменьшеніе платы 5) свобода студенческихъ организаций.

Несмотря на вѣрноподданнической духъ петиціи, она встрѣтила враждебное отношеніе со стороны московской администраціи и вызвала аресты среди подписавшихъ ее. Какъ ни стремился Союзный Совѣтъ подчеркнуть свою лояльность, онъ былъ преступенъ въ глазахъ правительства не менѣе чѣмъ любая революціонная организация. Когда возбужденіе студентовъ послѣ ареста товарищей перешло въ демонстраціи, Союзный Совѣтъ все же продолжаетъ стоять на „законной почвѣ“, предупреждая, по возможности, беспорядки. Требуя разслѣдованія арестовъ и избіеній, Союзный Совѣтъ обращается къ университетской администраціи со слѣдующими словами: „Еще можно остановить беспорядки. Отъ ректора университета и попечителя зависитъ удалить полицію. Профессора могутъ способствовать тому, чтобы Правленіе пересмотрѣло свой несправедливый приговоръ (увольненіе за беспорядки)... организованная часть студен-

¹⁾ Объ организациі общежитій и столовыхъ для студентовъ И. М. У. изд. Правленія И. М. У. стр. 6.

чества противъ беспорядковъ и если они состоялись, вина должна пасть не на студентовъ, ¹⁾ Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій Союзный Совѣтъ уже предупреждаетъ, что онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Черезъ два года Союзный Совѣтъ по мѣрѣ усиленія правительственныхъ репрессій, приходитъ къ мысли, что настало время для организованнаго протеста.

Въ студенческихъ волненіяхъ 96-го года по поводу ареста студентовъ-демонстрантовъ на ходынской панихидѣ, Союзный Совѣтъ беретъ руководство движеніемъ въ свои руки. Отъ имени студенчества онъ требуетъ освобожденія арестованныхъ демонстрантовъ и вообще всѣхъ пострадавшихъ за студенческіе беспорядки и „коренного измѣненія устава 84-го года въ духѣ устава 63-го года“. Студенческая масса не шла дальше сочувствія демонстрантамъ, какъ пострадавшимъ товарищамъ. Комиссія Московскаго Университета констатируетъ, что студенчество было спокойно до тѣхъ поръ, пока не произошли аресты возвратившихся съ неудавшейся панихиды демонстрантовъ близъ самаго университета.

Характерной чертой студенческаго движенія конца 90-хъ годовъ является его организованность. По признанію московскихъ профессоровъ, „студенты обнаружили въ себѣ большую дисциплину, такъ сказать съ лѣвой руки, слушались своего нелегальнаго начальства гораздо болѣе, чѣмъ университетскаго“ ²⁾. Правительство и университетская администрація стремились подорвать авторитетъ Союзнаго Совѣта въ широкихъ кругахъ студенчества, выставляя на видъ его революціонность. Между тѣмъ Союзный Совѣтъ, даже послѣ того какъ принялъ новую тактику въ университетскомъ вопросѣ, продолжалъ стоять вдали отъ какихъ либо политическихъ задачъ. На призывы польской студенческой организаціи объявить политическую программу, Союзный Совѣтъ заявляетъ, что „политика“ въ его задачи не входитъ. Тотъ же отвѣтъ Союзный Совѣтъ даетъ и Комитету Рабочаго Союза, упрекавшему землячества въ узости интересовъ. Стоя на почвѣ непосредственныхъ интересовъ

¹⁾ Мельгуновъ. стр. 54.

²⁾ Матеріалы по исторіи студенческаго движенія. Выпускъ 2-ой. Докладъ комиссіи М. У.

студенчества, Союзный Совѣтъ ограничивалъ свою дѣятельность академическими рамками. Являясь выразителемъ настроенія широкихъ массъ онъ видѣлъ свое назначеніе въ организациі массоваго движенія, а не въ отреченіи отъ интересовъ этихъ массъ во имя общихъ политическихъ задачъ или чуждой въ данный моментъ студенчеству социалистической агитаціи среди рабочаго класса. Нуженъ былъ опытъ академическаго движенія, чтобы студенчество пришло къ сознанию необходимости политической борьбы и къ сознанию той роли, которую исторія предназначила играть въ революціи пролетариату. Академизмъ уже прошелъ двѣ стадіи. Изъ стихійнаго движеніе стало организованнымъ. Лояльный академизмъ уступилъ мѣсто боевому академизму.

VI

„Мы—не борцы. Мы только тѣнь борцовъ,
Улавшая отъ солнца за горами,
Мы лишь гошцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслию и знаемъ и дарами;
Мы только ласточки, оставившія югъ,
Чтобъ возвѣстять природы обновленіе,
Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ
И что врачи сулятъ больной выздоровленіе“
(Изъ студенческой литературы 1901—1902 г.).

Въ академическомъ движеніи послѣ его наивысшаго развитія наступаетъ кризисъ. Этотъ кризисъ совпадаетъ съ пробужденіемъ классового самосознанія буржуазіи и пролетариата. Заражаются оппозиционнымъ духомъ земства и города, встаетъ рабочій классъ на борьбу съ капиталомъ.

Академическое движеніе начинаетъ протекать въ новой общественной обстановкѣ, которая сообщаетъ ему общественный характеръ.

Въ то время какъ растетъ студенческое движеніе, увеличиваются правительственныя репрессіи. Въ петербургскомъ университетѣ въ 99 году университетская администрація предупреждаетъ заранѣе, что на всякое нарушеніе „общественной тишины и спокойствія“ со стороны студентовъ оно отвѣтитъ суровыми карами. Это объявленіе вызываетъ студенческую демонстрацію на актѣ 8-го февраля. Послѣдовавшее избіеніе студентовъ еще болѣе подымаетъ

настроеніе, и на сходкѣ 11-го февраля студенты проводятъ забастовку съ обструкціей.

Петербургское движеніе захватываетъ всѣ высшія учебныя заведенія столицы и перебрасывается на другіе университетскіе города Россіи. Къ забастовкѣ въ теченіе одного мѣсяца примыкаетъ 30 высшихъ учебныхъ заведеній съ 25000 участвующихъ въ движеніи студентовъ. „Движеніе росло необыкновенно стремительно, пишетъ Энгель¹⁾ настроеніе было возбужденное. Всѣ были исполнены какимъ то инстинктивнымъ желаніемъ протеста. Хотѣлось протестовать ради самого протеста. Чувство протеста, наполнявшее каждого студента, было пріятной местью за гимназическій режимъ съ его девизомъ „Согну въ бараній рогъ“, было пріятнымъ контрастомъ съ окружавшей удушливой общественной атмосферой“.

Энгель видитъ въ студенческомъ движеніи 99 года только одинъ академизмъ. Академическому сознанию массъ онъ противопоставляетъ политическое сознаніе „Организаціоннаго Комитета“, руководившаго петербургскимъ движеніемъ. Но стоитъ только сравнить академическое движеніе 60—90-хъ годовъ съ движеніемъ 99 года и мы замѣтимъ между ними большую разницу. Развѣ былъ въ предыдущихъ волненіяхъ у широкихъ студенческихъ массъ этотъ „протестъ, ради протеста“, о которомъ говорилъ Энгель, помимо узкихъ академическихъ цѣлей. А сознаніе контраста студенческихъ волненій съ „окружающей удушливой атмосферой“, которое дѣлало особенно пріятнымъ, по мнѣнію Энгеля, студенческий протестъ, развѣ одно это сознаніе не говоритъ о болѣе широкомъ общественномъ характерѣ движенія. Организаціонный Комитетъ вѣрно отвѣчалъ настроенію студенчества, когда говорилъ, что „постановкой вопроса на общую почву униженія чувства человѣческаго достоинства, мы объединили людей самыхъ разнообразныхъ направленій, а исключивъ всякія узкія партійныя, политическія цѣли мы придали движенію широкій общественный характеръ и дѣйствительное политическое значеніе“. Правда, это не было политическимъ движеніемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо оно не выставило опредѣленныхъ политическихъ лозун-

¹⁾ Энгель и Гороховъ. Изъ исторіи студенческаго движенія 1899—1906 г., ст. 8.

говъ, но это еще не говорить о его безусловно академическомъ характерѣ. Академизмъ въ 99-мъ году дошелъ до высшей точки своего развитія, за которой уже начинался кризисъ его. Въ студенчествѣ рядомъ съ „академистами“¹⁾ начинаютъ выступать „радикалы“ или „политики“, зовущіе студенчество къ непосредственной политической борьбѣ.

Чуткое ухо правительства сразу почувствовало общественный характеръ движеній. Объ этомъ говоритъ сила того сопротивленія, которую правительство намѣревалось оказать студенчеству.

Вполнѣ можно согласиться съ Энгелемъ, что движеніе 99 года было какъ бы прологомъ русской революціи. Эта была первая ласточка, принесшая вѣсть о грядущемъ выступленіи общественныхъ группъ на борьбу съ самодержавіемъ. Это было напоминаніемъ о той исторической роли, которую интеллигенція и ея авангарду—студенчеству предназначено играть въ буржуазныхъ революціяхъ.

Студенчество въ 99-мъ году выступаетъ увѣренно и смѣло, сознавая всю силу своего коллективнаго протеста. Нѣтъ здѣсь робкихъ петицій и случайныхъ вспышекъ. Движеніе чувствуетъ подъ собою почву. Академизмъ, какъ общественное движеніе, не изолированъ, рядомъ съ нимъ идетъ интенсивное развитіе рабочаго движенія и намѣчаются признаки оппозиціоннаго движенія среди буржуазіи и крестьянства. На общемъ фонѣ глухого социальнаго недовольства наиболѣе подвижная часть интеллигенціи—студенчество спѣшитъ вылить свой интеллигентскій протестъ, облеченный въ форму академизма.

Особенно сильное впечатлѣніе произвели волненія 99 года на правительство. Противъ студенчества были направлены самыя крайнія средства борьбы. Не сумѣвъ справиться съ бунтующимъ студентомъ при помощи домашнихъ, университетскихъ мѣръ, правительство принуждено было поручить казармѣ, воспитывать студента и выбить изъ него духъ непокорства. То, что казалось невозможнымъ въ 60-хъ годахъ, что было отвергнуто въ 70-хъ годахъ, было осуществлено въ 99-мъ году. Настолько велика была, повиди-

¹⁾ Сторонники прежней тактики „боевого академизма“, отрицавшіе целесообразность политической борьбы въ данный моментъ“. Съ современными, такъ называемыми „академистами“, конечно, ничего не имѣли общаго.

тому, студенческая опасность, что ей въ жертву былъ принесенъ главный принципъ воинской повинности, какъ „священной обязанности“ каждаго русскаго гражданина. Правительство руководилось правиломъ, что „въ горящемъ домѣ не жалѣютъ разбитыхъ оконъ“. Когда нужно остановить общественное движеніе, не приходится считаться съ чистотой принципа. „Священная обязанность“ тогда можетъ превратиться въ карательную мѣру. Временныя правила не считались, вопреки уставу о воинской повинности, ни съ возрастомъ, ни съ семейнымъ положеніемъ, ни со здоровьемъ сдаваемыхъ въ солдаты. Ихъ задача—запугать, навести панику на студенчество.

По даннымъ комиссіи Московскаго Университета мы можемъ прослѣдить ростъ репрессій по отношенію къ студенчеству съ 87 года вплоть до изданія временныхъ правилъ.

Исключено изъ университета:

	По постановленію Правленія университета.	По постановленію администраціи.
Ноябрь 87 г.	57	36
Мартъ 90 г.	454	111
Апрѣль 91 г.	14	16
Ноябрь 94 г.	3	49
Ноябрь 96 г.	26	97
Февраль и Мартъ 99 г. . .	840	109 ¹⁾

Такъ освобождали отъ „неблагонадежныхъ“ элементовъ университетъ университетская и общія администрація до тѣхъ поръ, пока эта очистка была признана педѣйствительной мѣрой въ борьбѣ со студенческими беспорядками и пришлось прибѣгнуть къ новымъ средствамъ борьбы.

„Временныя Правила“ не остановили движенія. Онѣ только подчеркнули кризисъ академизма и переходъ движенія къ „политикѣ“.

Кіевская сходка въ декабрѣ 1900 года, не взирая на угрозу „Временныхъ Правилъ“, носитъ политическій характеръ. Она дала возможность правительству впервые при-

¹⁾ Матеріалы по исторіи студенческаго движенія. Выпускъ 2-ой. Докладъ Правленію.

мѣнить новыя средства борьбы. За участіе въ сходкѣ было отдано въ солдаты 183 студента.

Кіевская исторія послужила сигналомъ къ новому выступленію студенчества, объявившаго борьбу „Временнымъ Правиламъ“. Теперь уже „Организаціонный Комитетъ“ Петербургскаго Университета апеллируетъ не къ академическимъ интересамъ студенчества, а къ общегражданскимъ интересамъ всего общества. „Вы, люди разныхъ настроеній и взглядовъ, по сохранившіе въ душѣ уваженіе къ свободѣ — мы къ вамъ обращаемся. Ваша пассивность, ваше молчаніе до сихъ поръ оказывали страшную поддержку нашимъ врагамъ и сводятъ всю нашу дѣятельность къ самымъ ничтожнымъ результатамъ. Братья, протянемъ другъ другу руки и заключимъ тотъ дружный союзъ всѣхъ молодыхъ и старыхъ гражданъ, согбенныхъ вѣчнымъ гнетомъ произвола, съ которымъ русскому правительству придется считаться, какъ съ силой“¹⁾.

„Временныя правила“ нанесли большой ударъ академизму. Они вынесли студенческое движеніе на широкую политическую почву, приковали къ студенчеству вниманіе общества, подчеркнувъ серьезность движенія. Они показали, наконецъ, беспомощность правительства, принужденнаго прибѣгнуть къ послѣднему средству борьбы.

Студенчество дружно реагировало на „Временныя Правила“ забастовкой и демонстраціями. Вслѣдъ за убійствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія происходятъ уличныя демонстраціи въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, въ которыхъ къ студенческому протесту присоединяются интеллигенція и передовые рабочіе. Студенческій протестъ вырвался, такимъ образомъ, изъ тѣсныхъ рамокъ академизма.

Это широкое выступленіе протестующаго студенчества правительство и университетская администрація хотятъ объяснить кознями „ничтожной кучки злонамѣренныхъ лицъ“, смущающихъ благонамѣренное большинство. Съ такимъ освѣщеніемъ событій обратился къ петербургскимъ студентамъ Почетитель Учебнаго Округа Сонинъ. Та же полицейская точка зрѣнія господствуетъ въ объявленіи московскихъ профессоровъ отъ 24 февр. 1901 г.

¹⁾ Энгель и Гороховъ, стр. 21.

Студенчеству, возмущенному отдачей въ солдаты своихъ товарищей, Совѣтъ заявляетъ: „Люди, непричастные къ интересамъ науки и университета, навязали Вамъ новое несвойственное студенту слово и дѣяніе „забастовка“, т. е. заставили Васъ смотрѣть на университетъ, какъ на учрежденіе фабричное, а не научное, чтобы такимъ образомъ стереть самое названіе университета... Вамъ устраиваютъ сходки и на эти сходки приглашаютъ людей, совершенно чуждыхъ университету, частное явленіе университетской жизни стремятся раздуть въ общій пожаръ. Въ васъ будятъ страсти, сообщая ложныя свѣдѣнія, соблазняя Васъ мыслью, что въ Вашемъ дѣлѣ принимаютъ участіе всѣ учебныя заведенія и само общество, называя такіе факты „грандіозными манифестаціями“... Университетъ становится злочастной отдушникомъ, черезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство, будеть ли то недовольство политическое, экономическое, социальное“¹⁾.

Это воззваніе цѣнно не по одному тому, что указываетъ на совпаденіе полицейской точки зрѣнія съ мнѣніемъ Совѣта Университета. Оно цѣнно главнымъ образомъ своимъ опредѣленнымъ указаніемъ на связь студенческаго движенія съ „политическимъ, экономическимъ и социальнымъ недовольствомъ“. Полный неуспѣхъ воззванія констатируетъ сама коммиссія московскихъ профессоровъ. По ея признанію „обращеніе профессоровъ произвело на многихъ студентовъ дѣйствіе скорѣе обратное тому, чего имѣлось въ виду достигнуть“²⁾.

Вокругъ студенческаго протеста собирается интеллигенція и всѣ общественные круги, непосредственно связанные со студенчествомъ. Къ студенческому протесту прислушивается пробуждающійся рабочій. Борьба противъ „Временныхъ правилъ“ превращается въ борьбу со всей правительственной системой управленія страной. За чисто студенческими демонстраціями слѣдуютъ общія демонстраціи,

¹⁾ По выходѣ этого воззванія, ректоръ по настоянію нѣкоторыхъ профессоровъ заявилъ, что „воззваніе исходитъ отъ Совѣта, поименованы же всѣ присутствующіе“. Такимъ образомъ мнѣніе Совѣта не было мнѣніемъ всѣхъ московскихъ профессоровъ.

²⁾ Матеріалы. Вып. 2-ой, стр. 15.

носящія исключительно политической характеръ. Окруженное сочувствіемъ общества, студенчество начинаетъ сознавать свою роль, какъ „фермента разложенія существующаго абсолютно-бюрократическаго уклада“. Это сознание проходитъ черезъ всѣ послѣдующія резолюціи сходокъ, когда рядомъ съ академическими требованіями студенчество спѣшитъ подчеркнуть политической характеръ движенія. Оно сказалося въ специальной революціонной литературѣ студенчества. Въ одномъ, напримѣръ, изъ вариантовъ студенческой „дубинухи“ поется о томъ, какъ московскіе студенты пробуждаются отъ долгой спячки Москву и ведутъ ее на борьбу съ самодержавіемъ. Эта литература отмѣчаетъ знаменательный переломъ въ студенческомъ движеніи.

Чувство политическаго протеста объединяетъ разнообразныя слои студенчества. „Студенты, — говоритъ „Освобожденіе“ въ № 3, — вѣдь все-таки являются своего рода невольными депутатами отъ всѣхъ слоевъ общества, ихъ невзгоды и жалобы отзываются во всѣхъ слояхъ общества“. Дѣйствительно, въ общей ненависти къ политическому и академическому гнету могли сойтись студенты, какъ пришедшіе изъ низовъ буржуазнаго общества, такъ и пришедшіе изъ верховъ его. Неопредѣленный политической характеръ движенія не способствовалъ дифференціаціи студенчества.

Демократически настроенное общество откликнулось на студенческой протестъ. „Каждый шагъ, пишетъ Потресовъ, находилъ себѣ резонансъ, всякая мелочь подхватывалась молвой. Тысячи питей пролегали между учащейся молодежью и оппозиціонно настроеннымъ обществомъ. Все было свое, близкое, въ чемъ каждый членъ этого общества заинтересованъ кровно, а не только отраженно, чрезъ посредство болѣе или менѣе отдаленныхъ цѣлей“¹⁾.

Неменьшее впечатлѣніе произвело студенческое выступленіе въ передовыхъ рабочихъ и социалистическихъ интеллигентскихъ кругахъ. Господствовавшій до того времени въ социаль-демократическихъ кругахъ „экономизмъ“ начинаетъ уступать мѣсто новому направленію „искризмъ“, выдвигавшему необходимость рядомъ съ экономической и политической агитаціи среди рабочихъ. вмѣстѣ съ этимъ мѣняется

¹⁾ Потресовъ. Этюды о русской интеллигенціи, стр. 222

отношеніе социаль-демократовъ къ студенческому движенію. Экономическое направленіе, представленное „Кассой Взаимопомощи студентовъ Петербургскаго Университета“ отвергало политическое движеніе студенчества. Задача студентовъ, по мнѣнію „Кассы Взаимопомощи“ — это „организация, пропаганда, агитация и доставленіе денегъ и рабочихъ силъ партіи“¹⁾. Иначе смотритъ на студенческое движеніе „Искра“. Она привѣтствуетъ выступленіе студенчества и зоветъ рабочихъ поддержать студенческой протестъ. „Тотъ рабочий недостойнъ названія социалиста, говоритъ „Искра“ во 2-мъ номерѣ, который можетъ равнодушно смотрѣть на то, какъ правительство посылаетъ войска противъ учащейся молодежи. Студентъ шель на помощь рабочему — рабочий долженъ притти на помощь студенту“.

Неожиданный для правительства оборотъ, который приняло студенческое движеніе послѣ изданія „Временныхъ Правилъ“, заставилъ правительство перемѣнить свое отношеніе къ студенчеству. Не сумѣвъ задавить движеніе, оно принуждено было отказаться отъ репрессивной тактики.

Суровая солдатчина смѣняется нѣжнымъ „сердечнымъ попеченіемъ“ о студенчествѣ новаго Министра Народнаго Просвѣщенія — Ванповскаго. Вчерашній государственный преступникъ, отданный для исправленія въ казарму, становится предметомъ особенныхъ заботъ правительства. Студенческой вопросъ для правительства становится настолько серьезнымъ, что оно уже не полагается на свои силы и зоветъ себѣ на помощь профессоровъ, которыхъ Уставъ 1884 года не признавалъ компетентными въ университетскихъ дѣлахъ. Профессорамъ поручаютъ произвести самое тщательное разслѣдованіе причинъ студенческихъ волненій и представить на усмотрѣніе правительства проектъ желательныхъ мѣръ къ установленію нормальной академической жизни.

Надо отдать справедливость московскимъ профессорамъ, что они достаточно серьезно отнеслись къ сложному дѣлу выясненія причинъ студенческихъ волненій. Начавъ съ чистосердечнаго признанія въ полной несостоятельности сво-

¹⁾ Энгель и Гороховъ, стр. 22

его „обращения къ студентамъ“, профессора приступаютъ къ подробному изслѣдованію причинъ, нарушающихъ нормальное теченіе академической жизни. Въмѣсто упрощеннаго полицейскаго дѣленія студентовъ „на волковъ“ — кучку подстрекателей и „агнцевъ“ — благонамѣренное большинство, профессора обращаются къ студенческой массѣ съ анкетой, чтобы узнать истинныя причины безпорядковъ и намѣтить „мѣры къ упорядоченію университетскаго быта“. Несмотря на то, что своимъ воззваніемъ профессора оттолкнули отъ себя наиболѣе сознательные элементы студенчества, они получаютъ довольно характерныя отвѣты отъ сѣрой студенческой массы. Комиссія констатируетъ, что „студенты съ негодованіемъ отрицаютъ, что волпенія были результатомъ подстрекательства извнѣ“. Студенты указываютъ комиссіи, что „Временныя Правила“ и нагайка являются не угрозой, а вполне реальными фактами“. Комиссія узнаетъ кромѣ того о потребности студентовъ въ корпоративныхъ организаціяхъ и о гнетѣ инспекціи. Цѣннымъ указаніемъ для Комиссіи являются жалобы студентовъ на „неравномѣрное и несправедливое распредѣленіе пособій и стипендій, когда соображенія о недостаточности отходятъ на задній планъ передъ соображеніемъ о „благонадежности“. При этомъ студенты рассказываютъ комиссіи, какъ Союзный Совѣтъ, первоначально поставившій своею цѣлью оказывать матеріальную поддержку своимъ членамъ, столкнувшись съ университетскими порядкамъ, впервые проявилъ свою оппозиціонность. Пожеланія студентовъ въ сферѣ академической жизни сводятся въ заявленіяхъ, представленныхъ въ комиссію, къ разрѣшенію корпоративныхъ организацій, упорядоченію распредѣленія стипендій и *пониженію платы*, „весьма стѣснительной по размѣрамъ“.

Столкнувшись съ матеріальной нуждой студенчества, Комиссія идетъ дальше и изслѣдуетъ количество недостаточнаго студенчества. Для этой цѣли Комиссія пользуется отмѣтками инспекціи и свѣдѣніями о количествѣ пособій, получаемыхъ студентами.

По даннымъ Комиссіи недостаточное студенчество распредѣляется по факультетамъ Московскаго Университета слѣдующимъ образомъ:

Факультеты.	Число студ.	Число недостаточн. по от- мѣткамъ инспекціи.	Получили пособія.
Филологическій	273	170 62,27%	160
Математическій	468	235 50,21%	225
Естественный	604	300 49,52%	280
Юридическій	1523	734 48,19%	654
Медицинскій	1149	697 60,73%	638
Итого	4017	2136	1957 ¹⁾

Такимъ образомъ большинство студентовъ всѣхъ факультетовъ, за исключеніемъ юридическаго факультета, принадлежитъ къ необезпеченнымъ слоямъ общества. Благонамѣренное большинство, на которое такъ любили ссылаться административные круги, оказывается состоящимъ изъ „разпочинцевъ“, причинившихъ столько хлопотъ правительству, начиная съ 60-хъ годовъ. Это они внесли въ университетъ „соціальное и экономическое недовольство“, на которое жаловались профессора. Это ихъ скромныя организаціи взаимопомощи превратились силою вещей въ органы студенческой борьбы съ политическимъ строемъ страны. Они задаютъ тонъ студенческому движенію, подчиняя себѣ другіе слои студенчества.

Тотъ же знакомый намъ соціальный протестъ студента —разночинца слышится и въ заключительныхъ словахъ Карповича на судѣ: „Боголѣповъ считалъ, что бѣдные не должны поступать въ Университетъ—увеличивать умственный пролетаріатъ. Для этого и увеличили плату за слушаніе лекцій“. Политическая оболочка движенія не можетъ скрыть основнаго настроенія разночиннаго студенчества.

Характерно, что въ Петербургѣ, гдѣ не было такой стройной организаціи, какъ „Московскій Союзный Совѣтъ“ „общей почвой, по замѣчанію Иорданскаго, на которой сошлись и выдвинулись руководители движенія 99-го года, были все-таки землячества“. ²⁾ Организаторы „Кассы Взаимопомощи Студентовъ П. У.“, составившіе ядро социаль-демократовъ въ университетѣ, ставили своей цѣлью—создать профессиональную организацію студенчества.

Интересными являются мнѣнія самихъ профессоровъ

¹⁾ Матеріалы. Выпускъ II стр. 27.

²⁾ Иорданскій. Былое. Сентябрь 1907 г. стр. 84.

на университетскій вопросъ. Профессоръ Кн. Евгений Трубецкой настаиваетъ на легализаціи земляческихъ организацій, чтобы парализовать ихъ „преступное“ направленіе. Почти всѣ профессора сходятся на признаніи автономіи и студенческихъ организацій. Такъ эволюционировалъ взглядъ профессоровъ на студенчество подъ вліяніемъ студенческихъ волненій со времени Чичерина, яраго противника корпоративныхъ организацій студенчества.

На вопросъ о политическомъ настроеніи студенчества одинъ профессоръ говоритъ „бунтуетъ вся интеллигенція“¹⁾. Другой профессоръ отмѣчаетъ связь студенческихъ волненій „со всѣмъ бытомъ страны“ и доискиваясь, говоритъ профессоръ, ихъ общихъ и глубокихъ причинъ, можно дойти до обсужденія народно-психологическихъ свойствъ русской молодежи и особенностей исторического момента, переживаемого Россіей“.

Широкой общественной характеръ студенческаго движенія заставилъ правительство подумать о быломъ академизмѣ. Втиснуть движеніе въ узкія рамки академическихъ интересовъ—такова миссія генерала Ванновскаго. Нѣкотораго успѣха въ этомъ отношеніи Комиссія Ванновскаго достигаетъ. Студенчество на время стихаетъ въ ожиданіи, что ему преподнесетъ генералъ въ роли Министра Народнаго Просвѣщенія. Комиссія между тѣмъ работаетъ надъ труднымъ вопросомъ, какъ примирить свободу студенческихъ организацій съ общимъ политическимъ режимомъ, какъ примирить пагайку съ „сердечнымъ попеченіемъ“. Петербургскому студенчеству было разрѣшено избрать факультетскихъ старостъ. При этомъ характерно, что выборы дали большинство радикаламъ, а не академистамъ. Соглашаясь на факультетскія сходы, Комиссія ни въ коемъ случаѣ не хочетъ признать за студентами права общихъ сходовъ. По справедливому признанію московскихъ профессоровъ „общія сходы являются не столько выраженіемъ временнаго волненія, сколько средствомъ борьбы за свободу студенческихъ организацій“. Если бы профессора пошли бы дальше, они должны были согласиться, что общія сходы изъ средства борьбы за свободу студенческихъ организацій превращаются силою

¹⁾ Матеріалы. стр. 30.

вещей въ орудія борьбы студенчества съ политическимъ строемъ. Понятно, поэтому, что Комиссія Ванновскаго не могла согласиться на общую сходку и что студенчество, перешагнувъ въ своемъ развитіи стадію академизма, не могло отказаться отъ общей сходки. Въ концѣ концовъ Комиссія Ванновскаго, не смогшая выйти изъ противорѣчій академической свободы съ политическимъ режимомъ въ странѣ, ничего не могла дать студенчеству. Ей суждено было разбить послѣдніе остатки академическихъ иллюзій въ студенческой средѣ.

Выступленіе студенчества въ 1902 году носитъ почти исключительно политическій характеръ. Манифестъ перваго студенческаго съѣзда рекомендуетъ студенчеству устройство политическихъ демонстрацій. Петербургская сходка студентовъ 5 февраля отвергаетъ легальную организацію студенчества и настаиваетъ на правѣ общихъ сходовъ и свободного обсужденія на студенческихъ собраніяхъ общественныхъ вопросовъ.

Характерной является резолюція московской студенческой сходки 9 фев., гдѣ московское студенчество окончательно порываетъ съ академизмомъ. Резолюція сходки гласитъ: „Считая ненормальность существующаго академическаго строя лишь отголоскомъ общаго русскаго безправія, мы откладываемъ на всегда иллюзію академической борьбы и выставляемъ знамя общеполитическихъ требованій. Общеполитическая программа заставляеть вынести нашъ протестъ на улицу, гдѣ мы вмѣстѣ съ кадрами рабочихъ и общества готовы силою поддержать свои требованія“. Эта резолюція показываетъ, что студенчество твердо становится на политическую почву и въ противоположность былымъ мечтамъ „Народной Воли“ о самостоятельномъ возстаніи интеллигенціи сознаетъ необходимую связь студенческаго движенія съ общимъ политическимъ движеніемъ.

Студенческія забастовки и демонстраціи чередовались съ политическими демонстраціями въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ Россіи. О безусловно политическомъ характерѣ движенія намъ говоритъ официальное сообщеніе Министра Финансовъ о закрытіи Кіевскаго Политехникума. Констатируя въ своемъ сообщеніи, что нѣтъ никакихъ академическихъ поводовъ къ волненіямъ, Битте

говорить: „Къ чести студентовъ Кіевскаго Политехническаго Института слѣдуетъ отнести, что во все время прекращеній занятій они не нарушили порядка въ стѣнахъ заведенія и относились съ должнымъ уваженіемъ къ профессорамъ... При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ учебнаго персонала и студентовъ и при полной заботливости о нихъ начальства не было никакихъ внутреннихъ причинъ къ прекращенію занятій, причины эти слѣдуетъ искать извнѣ“.

Стоя на почвѣ общихъ политическихъ требованій демократіи, студенты являются, по выраженію „Искры“, „застрѣльщиками“ массоваго выступленія, которое должно произойти неминуемо. Признаки этого выступленія были уже на лицо. Рабочее движеніе изъ частичнаго превращается въ массовое. Стачечная волна проходитъ по всей Россіи. Грандіозная ростовская стачка демонстрируетъ мощь пробуждающагося къ сознательной политической жизни пролетаріата. Въ этомъ выступленіи, небываломъ по своимъ размѣрамъ, рабочій какъ бы посылаетъ первое предостереженіе старому строю. Рядомъ съ пробужденіемъ рабочаго идетъ медленное пробужденіе крестьянскихъ массъ. Полтавскій и харьковскій мужикъ идетъ, согласно „царской грамотѣ“, отбирать помѣщичью землю.

Земское движеніе, захвативъ культурные элементы землевладѣльцевъ, проявляетъ свое оппозиціонное отношеніе къ правительству въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, критикуя финансовую и экономическую политику правительства.

Передъ растущимъ политическимъ самосознаніемъ пролетаріата и буржуазіи начинается самостоятельный политическій характеръ студенческаго движенія. Студенчество приходитъ къ мысли о необходимости координировать свои дѣйствія съ массовыми выступленіями. Отраженіемъ новаго направленія въ студенческомъ движеніи является петербургская сходка 18 марта 1903 года. Сходка, обсуждая современное политическое положеніе, постановляетъ созвать въ непродолжительномъ времени общенародный митингъ. Вмѣстѣ съ ростомъ политическаго самосознанія въ странѣ начинаютъ дифференцироваться политическіе идеалы студенчества. Студенчество уже не можетъ стоять на почвѣ общихъ неопредѣленныхъ лозунговъ политической

свободы. Студенчеству приходится опредѣлить свое отношеніе къ различнымъ политическимъ идеологіямъ, отражающимъ интересы разныхъ классовъ. Эту дифференціацію отмѣчаетъ Второй Студенческой Сѣздъ, который видитъ въ ней симптомъ разложенія настоящаго политическаго движенія студенчества. Въ то же время эта дифференціація, по мнѣнію Сѣзда, поможетъ сознательному выступленію студентовъ наряду съ общимъ политическимъ выступленіемъ.

Къ концу 1903 года въ студенческой средѣ опредѣлились три политическія направленія: социаль-демократы, социалисты революціонеры и освободенцы. Каждое изъ этихъ направленій имѣло за собой опредѣленные группы сочувствующихъ. Кромѣ этихъ группъ съорганизовываются черпосотенная „Денница“ и друг.

Социаль-демократическая группа являлась первой партійной организаціей въ студенществѣ.

Марксизмъ появился въ университетѣ еще въ 90-хъ годахъ, когда разночинная интеллигенція находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неуспѣха землевольческаго „хожденія въ народъ“ и провала „Народной Воли“. Онъ пришелъ къ интеллигенціи съ проповѣдью, совершенно противоположной той, съ которой обращались къ ней землевольцы и народовольцы. Марксизмъ доказывалъ разночинцу неизбежность наступленія ненавистнаго ему капитализма. Онъ указывалъ разночинному интеллигенту, что капитализмъ, разрушая благосостояніе мелко дворянской и мѣщанской среды, изъ которой разночинецъ вышелъ, создаетъ новый классъ— пролетаріатъ, являющійся единственнымъ послѣдовательнымъ борцомъ за новый политическій строй. Разночинцу, жаждавшему измѣненія современнаго социаль-политическаго строя, повышавшихъ спросъ на интеллигентный трудъ, марксизмъ устами Плеханова, говорилъ, что въ Россіи революція можетъ побѣдить только, какъ революція рабочаго класса. Въ университетѣ марксисты звали студенчество въ ряды рабочихъ, чтобы бороться за скорѣйшее наступленіе политической революціи. Характерно, что къ интеллигенту-студенту марксисты первоначально обращались только съ политической проповѣдью. „Объединимся, товарищи, говорила марксистская „Петербургская Касса Взаимопомощи“ для общей борьбы во имя уничтоженія тяготящаго надъ Россіей гнета

во имя революціи“. Здѣсь нѣтъ ни слова о социализмѣ. Джорданскій подтверждаетъ, что въ его время „марксизмъ усваивался въ массѣ студенчества, какъ проповѣдь политической борьбы“. Такимъ образомъ, марксисты, выступившіе потомъ подъ названіемъ социаль-демократовъ связывали политическую свободу съ освободительнымъ движеніемъ пролетаріата.

Расцвѣтъ студенческаго движенія въ 1901-1902 году, когда къ нему прислушивались общество и пролетаріатъ, воскресилъ въ студенчествѣ дремавшія традиціи „Народной Воли“. На почвѣ вѣры въ силу самостоятельнаго интеллигентскаго протеста, выразившагося въ студенческомъ выступленіи, возродилось какъ бы старое народовольчество въ лицѣ социалистовъ-революціонеровъ. Въ противоположность марксистамъ, социалисты-революціонеры укрѣпляли разночинную интеллигенцію въ мысли, что она не ничтожная величина въ историческомъ процессѣ. Въ студенческое движеніе они внесли старый методъ борьбы „Народной Воли“ въ видѣ террора, осужденный марксистами.

Неопредѣленный политическій характеръ студенческаго движенія далъ почву возникновенію группы „освобожденцевъ“, провозгласившихъ общій лозунгъ: „Долой самодержавіе!“, который могъ объединить самые разнообразныя слои студенчества.

Побѣда политики надъ академизмомъ заставила мобилизоваться черносотенные элементы студенчества. Выставляя себя поборниками „чистой науки“ и врагами политики, они были не прочь подъ защитой администраціи внести свою „политику“. Такъ во время войны въ день похоронъ Михайловскаго, пользуясь тѣмъ, что передовое студенчество находилось у могилы популярнаго писателя, черносотенное студенчество съ разрѣшенія администраціи устроило „патріотическую сходку“, которая вполнѣдствіи встрѣтила протесты въ рядахъ сознательнаго студенчества.

Такова была группировка студенчества наканунѣ революціи.

V.

По мѣрѣ того, какъ выясняется характеръ русской революціи, студенчество подходитъ подъ исключительную гегемонію крайнихъ лѣвыхъ партій: социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. Эти партіи руководятъ студенческимъ движеніемъ, координируя студенческое выступленіе съ общеполитическимъ движеніемъ.

Неопредѣленно политическій лозунгъ „Освобожденія“: „Долой самодержавіе“, который могъ ранѣе объединить разнообразныя слои студенчества превращается въ лозунгъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ: либеральныхъ земцевъ, среднихъ слоевъ буржуазнаго общества и буржуазной интеллигенціи, тактика которыхъ расходилась съ тактикой крайнихъ лѣвыхъ партій. Съ одной стороны компромиссъ и соглашеніе со старой властью — „мирная тактика“, съ другой стороны тактика активной борьбы со старымъ политическимъ строемъ. Студенческая молодежь была на сторонѣ второй тактики. Не говоря о большинствѣ, вышедшемъ изъ низовъ буржуазнаго общества, революціонно настроенномъ уже по одному своему социальному положенію въ университетѣ, даже студенчество изъ буржуазной обезпеченной среды тяготѣло къ революціонной тактикѣ. Классовые интересы, которые руководятъ компромиссной тактикой „отцовъ“, не достаточно ясны и понятны ихъ увлекающимся „дѣтямъ“. Къ тому же буржуазная интеллигентская молодежь, которая, по словамъ Каутскаго, всегда склонна давать болѣе рѣшительное выраженіе оппозиціи своихъ отцовъ, не могла обречь себя на пассивную роль въ совершающихся политическихъ событіяхъ. Неудивительно поэтому, что въ разгаръ октябрьскихъ дней въ университетѣ не раздавался голосъ, взывавшій къ компромиссу и отказу отъ принятой студенчествомъ тактики. Какъ на послѣдній отголосокъ освобожденскаго вліянія въ университетѣ можно указать на адресъ группы московскихъ студентовъ Земскому Съѣзду.

Чѣмъ быстрѣе надвигались политическія событія, тѣмъ все болѣе увеличивалась пропасть, отдѣляющая либеральную

демократію отъ студенчества. Въ самый разгаръ „либеральной весны“ и „довѣрія“ Святополка Мирскаго студенческія демонстраціи нарушили иллюзію новаго курса во внутренней политикѣ. Эти демонстраціи не послали массоваго характера и только отчасти отразили политическое настроеніе студенчества. Окончательно выяснилась политическая позиція студенчества только послѣ 9 января.

9 января опредѣлило характеръ русской революціи, какъ революціи рабочаго класса. То что нѣкогда проповѣдывалъ русскій марксизмъ разночинному интеллигенту стало дѣйствительностью.

День 9 января оставилъ глубокой слѣдъ на русской интеллигенціи.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ выступленія петербургскаго пролетаріата, возвратилось студенчество съ рождественскихъ каникулъ въ университеты. Для самого правительства было ясно, что послѣ 9 января въ университетѣ не будетъ спокойныхъ занятій, такъ какъ долгое время университетскія аудиторіи не открывались. Только въ февралѣ предпринимаются шаги къ открытію университетовъ. Но прежде чѣмъ открыть ихъ въ подлежащихъ кругахъ признается необходимымъ спросить мнѣніе студенчества. Петербургскимъ студентамъ разрѣшается устроить сходку для рѣшенія вопроса объ открытіи университета. Въ присутствіи профессоровъ и иностранныхъ корреспондентовъ 7 февраля была открыта сходка по слѣдующей официальной программѣ: 1) современное политическое положеніе, 2) Земскій Соборъ или Учредительное собраніе, 3) вопросъ объ отношеніи къ забастовкѣ. Эта сходка по праву можетъ быть названа исторической, ибо она знаменовала признаніе политической роли студенчества со стороны тѣхъ круговъ, которые ранѣе противились самому невпнному академическому движенію. Эта сходка — побѣда студенческаго движенія, какъ движенія политическаго.

Обсудивъ современное политическое положеніе и высказавшись за Учредительное Собраніе, петербургскіе студенты объявили забастовку до сентября съ тѣмъ, чтобы въ сентябрѣ въ зависимости отъ общихъ политическихъ условій вновь рѣшить вопросъ о закрытіи или открытіи университета. Подобныя резолюціи прошли по всѣмъ другимъ уни-

верситетамъ Россіи и къ марту мѣсяцу забастовка охватила всѣ безъ исключенія университетскіе города со всѣми высшими учебными заведениями, находящимися въ нихъ.

Впервые къ забастовкѣ примкнули профессора. На приглашеніе правительства открыть университетъ въ мартѣ, большинство профессоровъ, объединенное въ академическій союзъ, отвѣтило отказомъ. Вчерашній чиновникъ правительства, которымъ оно пользовалось не разъ для проведенія своихъ полицейскихъ взглядовъ въ студенческую среду, оказалъ пассивное сопротивленіе своему непосредственному начальству. Мало того, профессора поставили условіемъ открытія университета введеніе въ немъ автономіи и представительнаго строя въ страѣ.

Еще такъ недавно московскіе профессора отсчитывали студенчество за впесеніе политики въ университетъ и за пассивное сопротивленіе въ видѣ забастовки, которая превращаетъ „храмъ науки“ въ „фабричное заведеніе“, а теперь имъ самимъ приходится прибѣгнуть къ подобному средству борьбы.

Угрозы исключенія профессоровъ и замѣны ихъ заграничными преподавателями, не могли произвести большого впечатлѣнія, благодаря своей полной утопичности. Это поняло правительство, которое въ концѣ концовъ пришло къ мысли, что невозможно открыть университетъ вопреки волѣ профессоровъ и студентовъ. Къ тому же закрытый университетъ демонстрировалъ, какъ ни какъ, затруднительное положеніе правительства. Онъ указывалъ нагляднымъ образомъ на серьезность политическаго кризиса, переживаемаго страной, когда профессора не находятъ возможнымъ заниматься научной дѣятельностью. Въ интересахъ правительства, такимъ образомъ, было смягчить остроту университетскаго вопроса. Неудивительно поэтому, что въ правительственныхъ сферахъ занялись университетскими дѣлами. Объявляя во всеобщее свѣдѣніе о ходѣ работъ комиссіи по университетскому вопросу, правительственное сообщеніе говоритъ: „безпорядки истекшаго академическаго года, приведшіе къ пріостановкѣ занятій почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, указали на необходимость осуществленія реформъ ихъ и въ особенности университетовъ безъ всякаго промедленія“. Передъ лицомъ надвигающейся революціи было

весьма желательно изолировать студенчество от революционных бурь путем удовлетворения его академических потребностей. Но в своем расчете на успокоение студенчества, правительство упустило из виду, что студенческое движение давно перешагнуло стадию академизма. Прошли времена, когда Союзный Совет увѣрялъ, что студенческое движение не противорѣчит „общественному спокойствию и порядку“. Даже самая широкая автономія не в силахъ изолировать студенчество отъ бушующихъ волнъ народной стихіи.

Въ то время, какъ въ правительственныхъ сферахъ угрозы по адресу профессоровъ и студентовъ смѣнялись проектами о реформахъ университетскаго быта „безъ промедленія“, въ руководящихъ кругахъ студенчества назрѣвалъ новый планъ наиболѣе цѣлесообразнаго использования университета въ интересахъ политическаго момента. Тактика пассивнаго сопротивленія должна уступить, по новому плану, мѣсто новой тактикѣ активнаго содѣйствія массовому выступленію.

„Въ интересахъ революціи, пишетъ въ „Искрѣ“ Данъ, въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются университетскіе города и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній“¹⁾. Студенчество должно, по мнѣнію Дана, принять участіе въ революціи, не какъ отдѣльныя революціонныя единицы, а какъ коллективъ, ибо „революціонныхъ единицъ много, — революціонныхъ организмовъ мало“. Новая тактика должна состоять въ томъ, чтобы студенчество, изгоняя изъ университета педелей и инспекторовъ, открыло аудиторіи для народныхъ собраній и политическихъ митинговъ. Дая пригласяетъ студенчество не смущаться противодѣйствіемъ либеральныхъ профессоровъ, которые постараются не допустить покушенія на свободу „храма науки“. „Тѣ недолгіе дни до водворенія либеральнаго порядка, когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной,

¹⁾ „Искра“ за два года, стр. 598. Статья написана 29 іюля за два мѣсяца до дарованія автономіи университету.

съ которой въ свободномъ состязаніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ-то легко и скоро дадутъ снова запречь себя въ оглобли размѣренно-аккуратной мысли гг. профессоровъ“.

Новая тактика, рекомендованная „Искрой“, нашла себѣ много сторонниковъ въ студенческой средѣ. По инициативѣ Московской организаціи, — „Центральный Органъ“ — былъ созванъ на 1 по 3 сентября студенческой сѣздъ въ Выборгѣ. На этомъ сѣздѣ сторонники новой тактики одержали верхъ надъ защитниками забастовки. Резолюція сѣзда постановила: открыть университетъ для всенародныхъ митинговъ, кафедры превратить въ агитаціонныя трибуны, не предпринимать никакихъ самостоятельныхъ выступленій, а быть готовыми во всякій моментъ поддержать выступленіе пролетаріата. Такимъ образомъ, когда въ концѣ сентября университету была приподнесена автономія, не только профессорская, какъ въ Уставѣ 63 года, но и студенческая, въ революціонныхъ кругахъ студенчества былъ уже готовый планъ дѣйствій, который не находился въ зависимости отъ того или другого рѣшенія вопроса объ автономіи.

Автономія и свобода студенческихъ собраній и организацій, которыя не могли получить студенты путемъ петицій и адресовъ, были достигнуты послѣ чисто политическаго демонстраціи.

Полицейское мышленіе склонно вообще удѣлять большое значеніе личности въ исторіи. Революція, съ ея точки зрѣнія, является результатомъ какихъ-то „козней“ злонамѣренныхъ лицъ. Подобно этому и „октябрьское поведеніе“ университета оно ставитъ въ вину авторамъ автономіи и профессорамъ, а между тѣмъ тѣ и другіе меньше всего виноваты въ поведеніи студенчества въ октябрьскіе дни, такъ какъ мысль о новой тактикѣ созрѣла ранѣе, чѣмъ была получена автономія.

Студенчество исполняло въ русской революціи свою историческую роль. То своеобразіе русской революціи, въ силу котораго активнымъ борцомъ за буржуазную свободу являлся пролетаріатъ, наложило свой отпеча-

токъ на характеръ участія интеллигенціи и студенчества въ революціи. На Западѣ интеллигенція и студенчество вели пролетаріатъ съ еще неопредѣлившимся классовымъ самосознаніемъ на революціонную службу буржуазіи. Въ Россіи интеллигенція, чтобы играть сколько нибудь замѣтную роль въ революціи принуждена была считаться съ классовымъ самосознаніемъ пролетаріата и воспринимать его классовые лозунги. Наплывъ интеллигенціи въ партію пролетаріата весьма характеренъ для того историческаго момента, который переживала Россія съ 1905 году.

Новая тактика была принята на студенческихъ сходкахъ въ Сентябрѣ, несмотря на протесты многихъ даже „радикальных“ профессоровъ и такого авторитетнаго органа печати, какъ „Русскія Вѣдомости“. „Русскія Вѣдомости“ призывая за студенчествомъ право на участіе даже въ самыхъ крайнихъ лѣвыхъ партіяхъ, протестовали противъ превращенія „храма науки“ въ революціонную трибуну.

Русскій студентъ не послѣдовалъ совѣту своихъ старшихъ товарищей понаукѣ, вполне удовлетворившихся „дарованной“ автономіей. Помимо общаго съ профессорами требованія академической свободы у студента-разночинца было свое требованіе, которое являлось для него какъ-бы „вопросомъ существованія“, это требованіе—демократизація высшаго образованія, за которою онъ велъ долгую борьбу въ прежніе годы и которая была мыслима только при полной демократизаціи всего общественнаго строя. Къ тому же при отсутствіи общей политической свободы, сама академическая свобода являлась для студенчества весьма проблематичной.

Открывая аудиторіи университета для народныхъ митинговъ, русское студенчество демонстрировало свою солидарность съ рабочимъ классомъ. Это тяготѣніе русскаго студенчества къ пролетаріату и къ социалистическимъ партіямъ весьма характерно для демократическаго состава главной массы студенчества. Какую бы роль не играло временное революціонное увлеченіе буржуазно-интеллигентской молодежи, оно одно не могло заставить студенчество такъ рѣзко противопоставить свою политическую позицію всему буржуазному и буржуазно-демократическому обществу. Борьба рабочаго класса открывала не одни только революціонныя перспективы передъ большинствомъ русскаго студенчества. Въ

этой борьбѣ несомнѣнно нашелъ себѣ откликъ старый социальный протестъ разночиннаго студенчества. „Послѣ манифеста 17-го октября, который откололъ оппозиціонныя партіи отъ революціонныхъ, студенчество продолжаетъ стоять на прежней политической позиціи. Только съ водвореніемъ въ университетскихъ аудиторіяхъ нарядовъ войскъ и полиціи прекратились митинги въ университетахъ.“

Подъ впечатлѣніемъ первыхъ октябрьскихъ дней сочувствующее общество и реакціонные круги въ одинаковой степени удѣляли свое вниманіе русскому студенту, котораго они ставили на второе мѣсто послѣ рабочаго. „Передъ громадной толпой, собравшейся 18-го октября, на Театральной площади, что-бы отпраздновать „первый день свободы“, ректоръ Московскаго Университета подчеркнул выдающіяся заслуги въ освободительномъ движеніи нашего единственнаго въ мірѣ по способности къ самопожертвованію студенчества“. „Въ этотъ же день за торжественными обѣдами и въ разныхъ кружкахъ были собраны деньги въ пользу рабочихъ и недостаточныхъ студентовъ“¹⁾.

Если общество признавало за студентомъ заслуги въ освободительномъ движеніи, то представители реакціи видѣли въ студентѣ своего самаго опаснаго и заклятаго врага. Студентъ—агитаторъ въ глазахъ представителей реакціи—виновникъ всей смуты. Онъ смутилъ, по ихъ представленію, дотолѣ мирнаго и спокойнаго рабочаго и крестьянина. Поэтому на студента контръ-революціонная волна набросилась со всею злобной ненавистью.

Стремленіе использовать народное невѣжество и темноту въ борьбѣ съ ненавистнымъ разночинцемъ, впервые появилось въ 60-хъ годахъ. Тогда еще полицейскіе демагоги распространяли среди народа слухи, что „студенты хотятъ вернуть крѣпостное право“. Старое недовѣріе народа къ барской интеллигенціи они хотѣли использовать въ борьбѣ съ разночинной интеллигенціей, тяготѣвшей къ народу по своему социальному положенію. Эта полицейская демагогія достигла своего апогея въ 1905 году, когда охота на студентовъ стала особенно привлекательнымъ занятіемъ „черныхъ сотенъ“. „Московскія Вѣдомости“ довольно недвусмы-

¹⁾ Цитирую по Кольцову „Памяти павшихъ“.

сленно направляли ненависть черныхъ сотенъ на студенчество. „Мы думаемъ, что и учащееся юношество, писали въ № 278 „Московскія Вѣдомости“, послѣ того, что оно по чужой указкѣ и по своему маломыслию въ послѣдніе дни дозволило себѣ—тоже заслужило уже достаточное презрѣніе къ себѣ въ глазахъ самыхъ миролюбивыхъ людей. „Московскому студенчеству стоило много жертвъ это презрѣніе миролюбивыхъ людей, поощряемое „Московскими Вѣдомостями“.

Въ октябрьскіе дни студенческое движеніе, какъ движеніе исключительно политическое, достигло высшей точки своего развитія, послѣ которой оно какъ-бы само исчерпало себя. Яркая политическая сторона движенія, въ условіяхъ историческаго момента на время заслонившая профессиональную его сторону, неизбѣжно должна была уступать послѣдней подобающее ей мѣсто. Академическія завоеванія революціонной эпохи требовали ихъ наиболѣе цѣлесообразнаго использования въ профессиональныхъ интересахъ студенчества.

Когда въ сентябрѣ 1906 года студенчество возвратилось въ университеты, оно имѣло позади себя усмиреніе Московскаго возстанія и разгонъ Думы, а впереди военно-полевые суды и военныя положенія. Если годъ тому назадъ подымался вопросъ о томъ, открыть или не открыть университетъ, то теперь для каждаго студента было ясно, что университетъ долженъ быть открытъ. Не освободившись отъ впечатлѣній прошедшаго бурнаго года, студенчество заявляетъ на сходкахъ, что открываетъ университетъ для революціи. Но въ неподходящей общественной обстановкѣ лозунгъ „университетъ для революціи“ оказывается пустымъ звукомъ. Та роль, которую игралъ университетъ въ октябрьскіе дни, соотвѣтствовала подготовительному періоду русской революціи. Разъ періодъ этотъ пройденъ, студенчество не можетъ продолжать исполнять старую роль. Революція и еще болѣе наступающая политическая реакція содѣйствовали быстрой партійной дифференціаціи студенчества. Отрезвились многіе пылкіе революціонеры и приблизились къ своимъ „умѣреннымъ отцамъ“. Рядомъ съ социалистическими партіями начинаетъ приобрѣтать все болѣе и болѣе вліяніе въ студенческой средѣ идеологія либеральной буржуазной демократіи.

Въ университетѣ студенческая группа, воспринявшая эту идеологию, почти во всемъ подражаетъ своимъ „отцамъ“, ведущимъ политику за стѣнами университета. Провозгласивъ лозунгъ „беречь университетъ, какъ культурно-просвѣтительный центръ“, это либеральное студенчество спѣшитъ обезопасить спокойный ходъ академическихъ занятій отъ какихъ-либо потрясеній. Какъ и профессора, это студенчество полагало, что движеніе пришло, наконецъ, въ тихую пристань академической автономіи и что время борьбы прошло. Въ противоположность этому взгляду крайнія лѣвыя партіи настойчиво рекомендовали студенчеству продолжать борьбу за упроченіе своего положенія въ университетѣ. Черезъ все студенческое движеніе 1906 года проходитъ борьба двухъ этихъ направленій въ студенчествѣ.

Всего ярче сказалась эта борьба въ вопросѣ о сходкѣ. Еще въ 1901 году московскіе профессора считали сходку дѣйствительнымъ „средствомъ борьбы за свободу студенческихъ организацій“, а Ванновскій считалъ ее орудіемъ политической борьбы. Въ общей сходкѣ студенчество всегда могло быстро и рѣшительно реагировать на внѣшніе и внутренніе конфликты. Эту положительную роль сходки не отрицаетъ и Сельскій въ брошюрѣ, изданной Кіевской студенческой фракціей партіи Народной Свободы. Но эту роль сходки онъ называетъ „исторической“, „Въ настоящее время подобные случаи (требующіе общей сходки) являются лишь болѣе или менѣе исключеніемъ“. Такимъ образомъ—споръ изъ за сходки главнымъ образомъ вертѣлся вокругъ вопроса, есть ли теперь такіе случаи, которые требуютъ быстрого реагирования студенчества?¹⁾ Для либеральной части студенчества этихъ исключительныхъ случаевъ не было. Забота о спокойномъ теченіи занятій у нея на первомъ планѣ. „Нельзя жертвовать университетомъ изъ за агитаціонныхъ цѣлей момента“ провозглашаетъ избирательная программа московской студенческой конституціонно-демократической фракціи²⁾.

Крайнія лѣвыя студенческія фракціи: социаль-демократическая, социаль-революціонная и народно-соціалистическая считали напротивъ необходимымъ реагировать на политиче-

¹⁾ Къ признанію референдума, какъ высшей законодательной инстанціи пришли все лѣвыя фракціи вмѣстѣ съ кадетами.

²⁾ Студенческая газета № 10.

скія событія и добиваться полной свободы собраний и влияния на университетскія дѣла. Поэтому для нихъ „были исключительные случаи“, о которыхъ говорил Сельскій. Борьба за сходку должна была рѣшить вопросъ, настало ли время отказаться отъ участія въ политической жизни страны и закончилась ли академическая борьба. Отказъ отъ общей сходки, несомнѣнно, знаменовалъ бы историческій переломъ въ студенческомъ движеніи. Онъ показалъ бы, что профессиональные интересы студенчества вполне удовлетворены существующей автономіей и что русское студенчество приблизилось, наконецъ, къ той мирной академической жизни, о которой такъ страстно мечтали профессора. Отсутствие самыхъ элементарныхъ признаковъ какого либо правового строя говорило студенчеству, что политическая борьба въ странѣ далеко не окончена. Опытъ академическаго движенія ясно показывалъ, что „береженіемъ“ не спасешь автономіи и что академическая свобода тѣсно сплетена съ политической. Въ теченіе всего года студенчество неоднократно демонстрировало свое отношеніе къ политическому положенію страны. Правда, отношеніе къ этимъ демонстраціямъ далеко не единодушно. Для московской студенческой фракціи Народной Свободы политической протестъ въ видѣ забастовки или митинга является „бездѣйствіемъ и пышной фразеологіей“¹⁾. Какъ бы ярко ни характеризовало это заявленіе распадъ прежде единодушнаго студенчества, большинство всетаки далеко отъ точки зрѣнія фракціи Народной Свободы. На выборахъ въ представительные органы студенчества вездѣ одержали верхъ представители крайнихъ лѣвыхъ партій. Въ Московскомъ университетѣ выборы, въ которыхъ приняло участие 5450 студентовъ (около 63% общаго числа)²⁾ дали слѣдующіе результаты:

Лѣвыя партіи (студенческой лѣвый блокъ)	
С. Д.	2044.
С. Р.	1259.
Н. С.	314.
П. п. с.	122.
Пц.	35.
	3374.

(около 70%).

¹⁾ Студенческая газета № 5.

²⁾ Не участвовали въ выборахъ отсутств. изъ Москвы и анархисты, бой-

Центръ и правыя.

К. Д.	1463.
Незав.	213.
	1676.

Борьба съ автономной профессурой за свободу собраний и влияние на университетскія дѣла носила тотъ же общій политическій и академическій характеръ, что и борьба за общую сходку. Хотя по внѣшнему виду эта борьба и казалась домашнимъ споромъ профессоровъ и студентовъ, на самомъ же дѣлѣ, студенчеству приходилось вести черезъ головы профессоровъ старую политическую и академическую борьбу. Требуя отъ профессоровъ полной свободы собраний и легализаціи своихъ представительныхъ органовъ, студенчество тѣмъ самымъ толкало профессуру на борьбу съ реакціей, которая въ своей стремительной ликвидаціи всѣхъ наслѣдій октябрьскихъ дней не забыла и университета.

Профессора и руководители студенческаго движенія 1906 г. одинаково переоцѣнивали значеніе профессуры въ университетской политикѣ. Въ дѣйствительности, профессора не были такъ всеильны въ университетскихъ дѣлахъ какъ это казалось студенчеству. Тѣ, кто считали себя единственными „хозяевами университета“, сами чувствовали подъ собою очень нетвердую почву. Умѣя показать свои хозяйскія права студенчеству, профессора не въ силахъ были защитить ихъ отъ покушеній извнѣ. Ревниво оберегая университетъ отъ студенческихъ притязаній, они уступали одно за другимъ свои автономныя права реакціонной силѣ—этому фактическому хозяину университета.

Профессорамъ трудно вести свою самостоятельную политику, не опираясь на студенчество или правительство. Если въ предъоктябрьскіе дни они были вмѣстѣ со студентами, то теперь имъ приходится молча санкціонировать одно за другимъ ограниченія автономіи.

Революціонная волна выдвинула автономію, реакціонная волна грозитъ унести ее, и профессорамъ не удержать автономіи путемъ уступокъ, ибо каждая уступка влечетъ за собою новый натискъ реакціи. Академическая проблема снова встаетъ передъ профессорами и студентами.

VI.

Мы видѣли, что стремленіе къ академической свободѣ возникло у студента-разночинца еще въ 60-хъ годахъ. Въ ней онъ видѣлъ гарантію защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ. Непосредственные матеріальные интересы студенчества требовали демократизации высшаго образования. Черезъ все студенческое движеніе, начиная съ 60-хъ годовъ, борьба за уменьшеніе платы идетъ, рядомъ съ борьбой за академическую свободу.

Существующія политическія условія были одинаково несовмѣстимы ни съ демократизаціей образования, ни съ академической свободой. Столкновеніе съ этими политическими условіями превратило академическую борьбу въ политическую. Получивъ въ процессѣ борьбы академическую свободу, студенчество могло удержать ее только при существованіи политической свободы. Поэтому непосредственные интересы студенчества толкали его на политическую борьбу, которая должна привести къ дѣйствительной, а не фиктивной автономіи.

Стремленіе достигнуть общедоступности высшаго образования превращаетъ студенческую борьбу за автономію, носящую профессионально-интеллигентскій характеръ въ общенародную борьбу за демократическій строй, при которомъ полученіе высшаго образования не будетъ привилегіей однихъ только господствующихъ классовъ.

Посмотримъ, что дала существующая автономія матеріально-необезпеченному большинству русскаго студенчества?

Въ 1906 году Общество для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго Университета обращаетъ вниманіе широкой публики на особенную нужду студенчества, превосходящую прошедшіе годы: „Никогда еще не было въ Московскомъ Университетѣ такого количества студентовъ, какъ въ этомъ году, и никогда положеніе недостаточныхъ студентовъ не было такъ тяжело, какъ теперь. Приходится платить въ Университетъ не только за текущее полугодіе, но и недоимки за прошлыя. Очень многимъ студентамъ приходится вносить плату за слушаніе лекцій въ размѣрѣ

100 руб., а нѣкоторымъ и болѣе, вмѣсто обычной, и безъ того уже слишкомъ высокой платы 50 руб. полугодіе“.

Что сдѣлалъ автономный университетъ для облегченія нужды студенчества? Мы не видимъ, чтобы съ обновленіемъ университета сколько нибудь замѣтно ослабилась политика вышибанія недостаточныхъ элементовъ студенчества. Напротивъ эта политика какъ будто бы усилилась. Второй годъ автономнаго существованія университета ознаменовался нововведеніемъ, на первый взглядъ, ничтожнымъ, въ области взиманія платы со студентовъ. По новымъ правиламъ, каждый студентъ обязанъ при поступленіи приложить къ прошенію 25 руб. въ пользу университета. Если принять во вниманіе, что масса студенчества устремляется въ университетскіе города безъ какихъ либо денежныхъ запасовъ, въ надеждѣ сколотить плату на мѣстѣ путемъ приложенія своего умственного, а иногда и физическаго труда, то станетъ яснымъ, противъ кого направлены новыя правила¹⁾.

Изъ такой ничтожной на первый взглядъ суммы денегъ, какъ 25 руб., сооружается довольно основательная плотина противъ наплыва въ университетъ недостаточнаго студенчества. Въ этихъ правилахъ можно видѣть симптомъ, ничего хорошаго не предвѣщающій демократическому составу студенчества. „Политика ущемленія, пишетъ Голсвня въ „Вѣстникѣ Студенчества“, всѣми возможными способами несостоятельныхъ въ матеріальномъ смыслѣ студентовъ, вплоть до неумолимаго вышибанія неимѣющихъ возможность внести плату, не практиковались въ такихъ формахъ даже и въ школѣ предыдущей эпохи“.

¹⁾ То, что главнымъ средствомъ существованія большинства русскаго студенчества служатъ заработокъ *на мѣстѣ съ университетскомъ городѣ*— признаетъ профессоръ Мензбиръ: „если не три четверти, то три пятыхъ нашего студенчества нуждаются въ заработкѣ для своего существованія и мы оказываемся въ какомъ-то заколдованномъ кругу: съ одной стороны—жизнь въ Петербургѣ, Москвѣ невѣроятно дорога и, казалось бы, студентамъ легче жить въ провинціи: съ другой стороны въ провинціи нѣтъ заработка, слѣдовательно, какъ-бы ни была дешева жизнь, однако жать всетаки не на что. Ежегодно масса студентовъ стремится перейти изъ провинціальныхъ въ столичныя университеты, въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе экономическихъ условій, и это теперь, когда университеты находятся въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ; а попробуйте основать университетъ въ какой нибудь русской лѣнѣ или Гейдельбергѣ, и какими бы крупными силами ни было обставлено въ немъ преподаваніе, они-бы несомнѣнно лустовали—(Рус. Вѣд. № 145, Мензбиръ. Къ вопросу о „переполненіи университетовъ“).

На кризисъ, переживаемый русскимъ студенчествомъ при первыхъ годахъ автономнаго существованія университета, указываетъ также „Комитетъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ“. Отмѣчая ростъ студенческой нужды, Комитетъ говоритъ: „если такое положеніе вещей станетъ постояннымъ, черезъ нѣсколько лѣтъ составъ студенчества рѣзко измѣнится, онъ станетъ менѣе демократичнымъ, и высшее образованіе будетъ удѣломъ только молодыхъ людей изъ наиболѣе обеспеченныхъ классовъ. Теперь народные учителя, фельдшера, приказчики, во многихъ случаяхъ крестьяне и рабочіе урѣзываютъ свой и безъ того скромный, трудовой бюджетъ, чтобы имѣть возможность обученія своихъ дѣтей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ твердой надеждѣ, что если имъ удастся довести ихъ до университета, они и тамъ какъ нибудь пробьются до окончанія курса. Когда станетъ ясно, что студентъ, получающій въ мѣсяць 10—15 рублей, удѣляемыхъ путемъ лишеній всей семьи, въ Москвѣ существовать не можетъ, скромные труженики убѣдятся, что университетъ не для ихъ дѣтей“.

Характернымъ являются заявленія Комитета, что онъ не рассчитываетъ на помощь тѣхъ „кто утверждаетъ, что право на участіе въ законодательствѣ, въ строительствѣ жизни должно принадлежать наиболѣе приспособленнымъ, при чемъ приспособленность опредѣляется имущественнымъ цензомъ“. Эти слои общества будутъ противъ демократизаціи высшаго образованія, такъ какъ они монополизируютъ университетъ исключительно для своихъ дѣтей.

Если раньше верхи буржуазнаго общества привѣтствовали каждаго разночинца, посвятившаго себя культурной работѣ, видя въ немъ залогъ культурнаго преуспѣянія страны, то теперь, когда они сами успѣли выдѣлить свою интеллигенцію, эта часть русскаго общества, строго разграничиваетъ области интеллигентнаго труда, доступныя и недоступныя разночинцу. По словамъ Комитета Общества для пособія нуждающимся студентамъ, господствующіе классы аргументируютъ слѣдующимъ образомъ: „Да, всякъ сверчокъ знай свой шестокъ; для дѣтей народныхъ учителей, фельдшеровъ и приказчиковъ совершенно достаточно учительскихъ семинарій, фельдшерскихъ школъ, городскихъ училищъ и чѣмъ скорѣе они откажутся отъ мечты о гимназіяхъ и университетахъ, тѣмъ лучше“.

Болѣе выгодныя интеллигентскія профессіи господствующіе классы оставляютъ за собой, вытѣсняя низы буржуазнаго общества въ профессіи, хуже оплачиваемыя и болѣе тяжелыя. Профессія крупныхъ чиновниковъ уже давно представляетъ замкнутую дворянскую касту. Такія интеллигентскія профессіи, какъ адвокатская и инженерная, необходимыя для крупнаго капиталистическаго производства, заполняются преимущественно дѣтьми крупной буржуазіи, благодаря господству въ нихъ протекцій и связей въ буржуазномъ обществѣ. Пробиться въ эти профессіи разночинцу становится все труднѣе. Последнее обстоятельство, повидимому, начинаетъ оказывать вліяніе на распредѣленіе обеспеченнаго и необеспеченнаго студенчества по факультетамъ университета. Если мы вернемся къ статистическимъ даннымъ, добытымъ комиссіей Московскаго Университета въ 1901 году, то мы замѣтимъ любопытное явленіе. На факультетахъ филологическомъ и математическомъ, подготовляющихъ преподавателей среднихъ школъ, и медицинскомъ процентъ необеспеченнаго студенчества выше половины (на филологическомъ факультетѣ необеспеченныхъ 62,27% общаго числа студентовъ на факультетѣ, на математическомъ 50,21%, на медицинскомъ 60,73%). На факультетахъ же юридическомъ, подготовляющемъ чиновниковъ и адвокатовъ, процентъ необеспеченныхъ не доходитъ до половины (48,19%), а на естественномъ 49,52%.

Чѣмъ болѣе интеллигентскія профессіи рассчитываютъ на массовый спросъ, на обслуживаніе широкихъ потребностей народныхъ массъ и чѣмъ хуже слѣдовательно онѣ оплачиваются, тѣмъ болѣе онѣ доступны низамъ буржуазнаго общества и, наоборотъ, чѣмъ опредѣленнѣй онѣ обслуживаютъ интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ, тѣмъ быстрѣй онѣ монополизируются верхами буржуазнаго общества.

Цѣлый рядъ учебныхъ заведеній закрыты для низшихъ сословій (различныя лицеи, школы правовѣдѣнія и др.), съ другой стороны есть учебныя заведенія, которыя господствующіе классы предоставляютъ низшимъ сословіямъ. Это—ветеринарные институты, фельдшерскія школы, учительскія семинаріи и др. Университетъ prepares къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ. Сюда сходятся представители раз-

личныхъ слоевъ русскаго общества, ищущіе высшаго образованія. Буржуазія боится той конкуренціи, которую можетъ создать ея дѣтямъ разночинецъ, получившій университетское образованіе. Эту конкуренцію дѣти буржуазіи могутъ встрѣтить въ тѣхъ профессіяхъ, гдѣ не малую роль играетъ личное дарованіе (напр. докторская профессія или ученая). Но въ большинствѣ случаевъ это опасеніе является напраснымъ, такъ какъ разночинцу, чтобы стать выдающимся докторомъ или ученымъ, приходится затратить усилий во много разъ больше, чѣмъ дѣтямъ буржуазіи. Въ погонѣ за заработкомъ и передъ угрозой ежеминутнаго исключенія изъ университета очень трудно отдаться спокойному изученію своей специальности, требующей къ тому же большихъ матеріальныхъ затратъ. Подготовиться къ научной дѣятельности или профессорскому званію необезпеченному студенту почти нѣтъ никакой возможности. Ничтожная ассигновка для подготовки къ профессорскому званію, предоставленная лицамъ, оставленнымъ при университетѣ, дѣлаетъ невысказаннымъ для недостаточнаго студента занятіе наукой безъ посторонняго заработка¹⁾. Какой насмѣшкой звучатъ для разночинца—студента всѣ призывы профессоровъ къ спокойнымъ занятіямъ во имя той науки, которая недоступна разночинцу и которая давно монополизирована господствующими классами. Разночинецъ фактически отстраняется отъ занятій научной дѣятельностью. То же самое можно сказать и про профессію врачей. Въ этой профессіи дѣти буржуазіи отодвигаютъ разночинца въ менѣе выгодныя мѣста, гдѣ труднѣе выдвигнутся талантливому доктору.

Къ этимъ низамъ русскаго общества и апеллируетъ Комитетъ: „Жертвуйте, кто что можетъ. Не стѣсняйтесь размѣрами пожертвованій, помните, что въ вашихъ рукахъ не только судьба сотенъ голодающихъ студентовъ, но и рѣшеніе вопроса о демократизаціи высшаго образованія въ Россіи“.

¹⁾ „600 руб. лицу, оставленному для приготовленія къ профессорскому званію, пишетъ Сперанскій, 600 руб. въ томъ возрастѣ, когда уже человекъ нормально обзаводится семьей, 600 руб. на жизнь въ одномъ изъ университетскихъ городовъ, 600 руб., изъ которыхъ чуть не половину приходится расходовать на книги для занятій; не мудрено, что столько лицъ съ отличными способностями оказываются не въ силахъ дойти до профессуры (Сперанскій. „Нѣтъ профессоровъ“. „Русскія Вѣдомости“ № 138, за 1908 годъ).

Тѣ необезпеченные слои русскаго общества, которые поставляютъ наибольшій контингентъ студенчества, призываются на помощь недостаточнымъ студентамъ, ибо демократизація образованія въ ихъ непосредственныхъ интересахъ.

Помимо общихъ причинъ, которыя заставляютъ мелкаго чиновника, мѣщанина, а порой и крестьянина мечтать объ университетскомъ дипломѣ для своихъ дѣтей, не малую роль въ привлеченіи въ университетъ необезпеченныхъ слоевъ общества играетъ увеличеніе предложенія студенческаго труда. Последнее, являясь слѣдствіемъ роста студенческой нужды, ведетъ къ паденію заработка студента репетитора. Въ свою очередь пониженіе заработной платы, удешевляя подготовку къ университету, влечетъ за собою увеличеніе спроса на студенческой трудъ со стороны тѣхъ элементовъ русскаго общества, для которыхъ полученіе гимназическаго аттестата было ранѣе менѣе доступно. Можно наблюдать при этомъ своеобразную концентрацію студенческаго труда въ видѣ различныхъ студенческихъ группъ, въ которыхъ сосредоточивается доступная подготовка къ гимназическому аттестату. Благодаря этимъ группамъ имѣютъ возможность подготовиться къ университету и къ другимъ специальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, тѣ, кто по какимъ-либо причинамъ остались за бортомъ гимназій и нуждаются въ краткосрочной и дешевой подготовкѣ. Въ видѣ иллюстраціи къ наблюдаемому нами увеличенію круга лицъ, ищущихъ высшаго образованія, можно привести слѣдующее сообщеніе „Русскихъ Вѣдомостей“, относящееся къ веснѣ 1908 года: „Происходящіе въ настоящее время экзамены на аттестатъ зрѣлости отличаются *небывалымъ наплывомъ экстерновъ*. Число ихъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ доходитъ до 50. Ввиду наплыва экстерновъ Попечитель Учебнаго Округа разослалъ циркуляръ, въ которомъ предложилъ педагогическимъ совѣтамъ гимназій установить опредѣленный максимумъ, свыше котораго не допускать лицъ, желающихъ подвергнуться испытаніямъ въ знаніи курса гимназій. Свѣдѣнія о наплывѣ экстерновъ получаютъ и изъ провинціальныхъ гимназій. Въ числѣ экзаменуемыхъ численно выдѣляются конторщики, приказчики и рабочіе. Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ гимназіяхъ число ихъ превышаетъ число абитуриентовъ („Русскія Вѣдомости“ за 1908 г. № 104). Весьма характерно—это, отмѣченное „Русскими Вѣдомостями“.

„численное преобладание среди экстерновъ копторщиковъ, приказчиковъ и рабочихъ“. Интеллигентскій трудъ для нихъ, помимо стремленія къ знанію и наукъ представляется, повидимому, болѣе привлекательнымъ и въ матеріальномъ отношеніи. Не меньшій интересъ вызываетъ другое, отмѣченное „Русскими Вѣдомостями“, явленіе въ связи съ наплывомъ экстерновъ—это безпокойство попечителей округовъ. Громоздкій правительственный механизмъ, завѣдующій народнымъ просвѣщеніемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, оказывается удивительно подвижнымъ. На это, на первый взглядъ, незамѣтное уклоненіе отъ обычнаго уровня числа экзаменуемыхъ экстерновъ, онъ успѣлъ реагировать ограничительными циркулярами. Циркуляры объ обязательныхъ комплектахъ, о которыхъ упоминаютъ „Русскія Вѣдомости“, открываютъ, повидимому, цѣлую систему правительственныхъ мѣръ, направленныхъ противъ нежелательнаго элемента въ университетѣ.

Вмѣстѣ съ наступленіемъ реакціи возобновилась старая политика по отношенію къ высшему образованію, ставящая своей задачей прегражденіе доступа въ высшія учебныя заведенія извѣстнымъ слоямъ русскаго общества. Майскіе циркуляры Министра Народнаго Просвѣщенія 1908 года закрываютъ двери университетовъ передъ семинаристами и женщинами. За семинаристами давно установилась репутация неблагонадежнаго элемента въ университетѣ, неудивительно поэтому, что противъ нихъ направлены были новыя мѣропріятія правительства. Болѣе интереснымъ является отношеніе правительства къ высшему женскому образованію.

Русская женщина появилась въ университетѣ впервые въ 60 годахъ. Она участвовала въ томъ „великомъ нашествіи“ разночинца, которое совершенно измѣнило фیزیономію благонадежнаго дворянскаго университета. Тѣ же причины, которыя вызвали тяготѣніе къ университету демократическихъ низовъ общества, побудили и русскую женщину ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, стремиться къ высшему образованію.

Бѣдный чиновникъ, священникъ, разорившійся дворянинъ, подъ гнетомъ тяжелыхъ экономическихъ условий, рано покончили съ домостроевскимъ воззрѣніемъ на женщину, господствовавшимъ въ русской семьѣ. Безысходное матеріальное положеніе этихъ слоевъ русскаго общества помогли

русской дѣвушкѣ выйти изъ скорлупы семейныхъ предразсудковъ и предъявить свое право на интеллигентскій трудъ наравнѣ съ мужчиной.

Русская женщина еще въ 60-хъ годахъ заставила признать свое право на университетское образованіе. „Огромное большинство студентовъ, пишетъ Пантелѣвъ, отнеслось къ появленію женщинъ въ университетѣ, какъ къ явленію совершенно естественному и кажется ни чѣмъ не подало слушательницамъ повода хотя бы къ малѣйшему неудовольствію“.¹⁾

Но то, что было „естественно“ для студенчества, было „не естественно“ для правительства, которое поспѣшило устранить женщинъ изъ университета при первомъ ихъ появленіи. Когда же на частныя средства были открыты высшія учебныя заведенія, они были такъ обставлены, что полученіе высшаго образованія для женщинъ было еще менѣе доступно, чѣмъ для мужчинъ. Въ лѣтописяхъ Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, на примѣръ, можно найти много любопытныхъ указаній на правительственную политику въ женскомъ образованіи. Среди прочихъ условий пріема, предъявляемыхъ курсами вновь поступающимъ, отъ курсистокъ требовалось указаніе на обеспеченное матеріальное положеніе (проживаніе въ семьѣ родителей, владѣніе родителями недвижимою собственностью и др.). При такомъ отношеніи правительства къ женскому образованію, русской женщинѣ, страстно стремившейся къ знанію и къ независимому экономическому положенію, которое ей сулилъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, было что прибавить къ общему интеллигентскому протесту противъ невыносимыхъ политическихъ условий русской жизни. Послѣ первыхъ дней революціи для женщины открылась, хотя и ограниченная, возможность поступленія въ университеты. Наступившая реакція отняла у нея эту возможность.

Отношеніе правящихъ круговъ къ высшему женскому образованію во многомъ напоминаетъ отношеніе ихъ къ высшему образованію евреевъ. Университетское образованіе для не обеспеченныхъ слоевъ еврейства является почти недоступнымъ. Процентная норма, существующая для „лицъ іудейскаго вѣро-

¹⁾ Цитирую по Ашевскому. Совр. Міръ. Августъ 1907, стр. 20.

исповѣданія въ гимназіяхъ и университетахъ, даетъ возможность попасть въ университетъ немногимъ счастливымъ изъ зажиточной еврейской среды. Тѣ самые мотивы, которые вызвали циркуляры о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“, вдохновляли и ограничительную политику по отношенію къ образованію евреевъ. Оба эти циркуляра были изданы въ томъ же 1887 году, когда былъ объявленъ походъ противъ демократическаго состава университета. Какъ тотъ, такъ и другой берегли русской университетъ для однихъ только обезпеченныхъ элементовъ общества. Дѣти же еврейской мелкой буржуазіи были обречены на бесплодное „экстерничаніе“, которое составляетъ характерное явленіе въ ея жизни. Какъ и женщинамъ, революція доставила возможность еврейскимъ юношамъ свободно поступать въ университетъ, реакція же отняла это право.

Новыя ограниченія, касающіяся семинаристовъ, женщинъ и евреевъ дополняютъ общую правительственную политику по отношенію къ университету, которая сводится къ возможно большому ограниченію доступа въ университетъ и монополизацию высшаго образованія въ рукахъ однихъ только господствующихъ классовъ. Къ общей ограничительной политикѣ правительства можно прибавить частную университетскую, которая все болѣе и болѣе, какъ мы видѣли, увеличиваетъ затруднительное положеніе въ университетѣ недостаточнаго студенчества. Прибавивъ къ правительственной и университетской политикѣ цѣлый рядъ самостоятельныхъ факторовъ, затрудняющихъ положеніе въ университетѣ разночинца, какъ вздорожаніе жизни въ университетскихъ городахъ, паденіе заработной платы и др., и мы получимъ представленіе о томъ внѣшнемъ давленіи, которое такъ или иначе вліяетъ на ходъ академической жизни въ университетѣ.

Съ одной стороны политика правящихъ классовъ, которая ставитъ своею цѣлью вытѣснить изъ университета демократическіе элементы студенчества и монополизировать высшее образованіе въ рукахъ немногихъ; съ другой стороны упорное стремленіе демократіи проникнуть въ университетъ и отчаянное сопротивленіе недостаточнаго студенчества, которое хочетъ отстаивать свое положеніе въ университетѣ—все это создаетъ обстановку тяжелой борьбы за будущность русскаго университета: станетъ ли онъ достояніемъ

однихъ только привилегированныхъ классовъ или въ немъ найдутъ мѣсто также и дѣти демократіи.

На все увеличивающійся экономическій гнетъ студенчеству приходится реагировать всевозможными способами. Мы уже отмѣчали, какъ въ процессѣ стихійной борьбы за существованіе создается оригинальный типъ концентраціи студенческаго труда, который при извѣстныхъ условіяхъ изъ товарищеской кооперации, можетъ превратиться въ организованную эксплуатацію студенческаго труда на подобіе всѣхъ промышленныхъ предприятий¹⁾.

Вопросъ о регулированіи предложенія студенческаго труда занимаетъ землячества—традиціонныя организаци взаимопомощи студентовъ. Въ корреспонденціи изъ Казани сообщаютъ московской „Студенческой Газетѣ“: „На собраніи представителей землячества постановлено, чтобы товарищи не дѣлали частныхъ объявленій о пріисканіи работъ, а заявляли бы о томъ въ свои землячества. Несмотря на такое постановленіе, прибавляетъ корреспонденція, въ объявленіяхъ казанскихъ газетъ можно встрѣтить, что студенты предлагаютъ свои услуги вплоть до желанія занять мѣсто дворника“. („Студенческая Газета“, № 11, 1906 г.).

Интересной попыткой регулировать спросъ и предложеніе студенческаго труда, является С.-Петербургская Студенческая Биржа Труда. Эта организаци, возникшая осенью 1906 года ставила своей цѣлью объединеніе студентовъ на почвѣ предложенія ими своего труда. Дѣятельность организаци, согласно уставу, должна состоять: 1) въ сосредоточеніи въ однихъ рукахъ всего спроса и предложенія студенческаго труда, 2) въ урегулированіи и нормированіи заработной платы и рабочаго времени. (Журналъ „Студенчество“, № 1). По уставу биржа являлась въ качествѣ посредника между спросомъ и предложеніемъ и одновременно предпринимателемъ, организующимъ студенческія трудовыя артели и т. д.

Въ этой, не лишенной доли утопізма, попыткѣ петер-

¹⁾ Въ одномъ номерѣ „Русскаго Слова“ въ объявленіяхъ можно насчитать въ одной Москвѣ десять такихъ группъ. (№ 168 за 1908 г.).

бургскихъ студентовъ создать стройную профессиональную организацію, регулирующую весь спросъ и предложене студентскаго труда, насъ прежде всего интересуетъ вопросъ, какимъ образомъ, студенческая мысль хочетъ реагировать на окружающій экономическій гнетъ.

Какъ бы ни успѣшна была дѣятельность всѣхъ этихъ студенческихъ организацій взаимопомощи, коопераций и др., онѣ ни на минуту не отодвигаютъ главной задачи студентскаго профессиональнаго движенія—борьбы за демократизацію высшаго образованія. Этой борьбой ознаменовалось первое выступленіе на общественную арену студента-разночинца въ 60-хъ годахъ. И на фонѣ этой же борьбы развивалось дальнѣйшее студенческое движеніе вплоть до того момента, когда политическія условія не выдвинули передъ студенчествомъ неизбѣжную необходимость политической борьбы.

Политика правящихъ сферъ не переставала напоминать студенчеству о необходимости борьбы за демократизацію высшаго образованія. Чувствуя несомнѣнную связь студентскаго движенія съ социальнымъ составомъ студенчества, она стремилась всячески измѣнить этотъ составъ. На студенческія петиціи объ уменьшеніи платы, правительство отвѣчало новымъ повышеніемъ платы за ученіе и такими мѣропріятіями, какъ циркуляры о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“. Но къ какимъ бы средствамъ ни прибѣгала правительственная политика въ борьбѣ съ разночинцемъ, она все-таки не имѣла существеннаго результата. Если въ общемъ ростѣ студенчества и можно отмѣтить увеличеніе числа обеспеченныхъ буржуазныхъ элементовъ, то большинство студенчества по прежнему принадлежитъ къ необеспеченнымъ слоямъ общества.

Несмотря на циркуляры „о кухаркиныхъ дѣтяхъ“ и другія ограниченія, подавляющее большинство студенчества почти на всѣхъ факультетахъ въ 1901 году принадлежитъ къ недостаточнымъ ¹⁾.

¹⁾ Въ 1904—1905 г. московское студенчество распредѣляется по сословіямъ и профессіямъ отцовъ слѣдующимъ образомъ; (данныя взяты по списку студентовъ И. М. У. за 1904—1905 годъ).

Ограничительная политика правительства не страшна студенчеству, поскольку она вызывается одними только полицейскими соображеніями. Она становится опасной, когда начинаетъ опираться на интересы опредѣленнаго класса. Чѣмъ ярче, поэтому, будетъ проявляться стремленіе верховъ буржуазіи монополизировать высшее образованіе всецѣло для своихъ дѣтей, тѣмъ тяжелѣе будетъ борьба низовъ буржуазнаго общества за демократизацію высшаго образованія.

Русскому разночинному студенчеству всѣмъ ходомъ предыдущаго движенія предопредѣлено два пути, либо усту-

Сословія и профессіи.		Число	% къ общему числу.
Дѣти мелкихъ и среднихъ чиновниковъ . . .		1126	20,6
„ мѣщанъ		1027	18,8
„ купцовъ		923	16,9
„ дворянъ		897	16,4
„ крупныхъ чиновниковъ и офицеровъ . . .		434	7,9
„ крестьянъ		312	5,7
„ духовнаго званія		268	4,9
„ мелкихъ и среднихъ офицеровъ		94	1,7
„ свободныхъ профессій		70	1,3
„ народныхъ учителей		22	0,4
„ фельдшеровъ		27	0,4
„ аптекарей-провизоровъ		19	0,3
„ бывшихъ дворянъ		9	0,2
„ неизвѣстныхъ		240	4,4
		5461	
Группы необеспеченныя.		Число.	% къ общему числу.
Дѣти мелкихъ и среднихъ чиновниковъ . . .		1126	20,6
„ мѣщанъ		1027	18,8
„ крестьянъ		312	5,7
„ духовнаго званія		268	4,9
„ мелкихъ и среднихъ офицеровъ		94	1,7
„ народныхъ учителей		22	0,4
„ фельдшеровъ		20	0,4
„ бывшихъ дворянъ		9	0,2
		2878	52,7
Группы обеспеченныя.		Число.	% къ общему числу.
Дѣти купцовъ		923	16,9
„ крупныхъ чиновниковъ и офицеровъ . .		434	7,9
		1357	24,8

Группы дворянъ, свободныхъ профессій и аптекарей-провизоровъ весьма неопредѣленны по своему имущественному положенію. Среди нихъ встрѣчаются представители, какъ обезнеченныхъ, такъ и необеспеченныхъ группъ. Поэтому къ нимъ непримѣнима даже та приблизительная классификація, которой мы пользуемся при опредѣленіи другихъ группъ.

пить свое мѣсто въ университетѣ тому новому матеріально обеспеченному студенчеству, которое съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй даетъ о себѣ знать, или продолжать неустанно бороться за демократизацію высшаго образования, которое не будетъ монополіей не только верховъ буржуазнаго общества, но даже низовъ его.

VII.

Изученіе студенческаго движенія, опирающагося постоянно на свои профессиональные интересы, быть можетъ позволить намъ отвѣтить на вопросъ: „что такое русская интеллигенція?“

Не лишнимъ представляется намъ историческое изслѣдованіе изъ жизни хотя бы части русской интеллигенціи особенно теперь, когда послѣ пережитыхъ историческихъ дней снова поднять старый споръ о русской интеллигенціи.

Этому спору, повидимому, суждено принять въ настоящее время особенно острую форму. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, воскуривается фиміамъ въ честь „виѣкласовой, виѣсословной, преемственной группы“ именуемой русской интеллигенціей. Въ другомъ мѣстѣ произносится анаема по адресу „интеллигентныхъ бѣлоручекъ“, эксплуатирующихъ въ своихъ „классовыхъ“ интересахъ освободительное движеніе пролетаріата. Одни указываютъ на социально-этическую сущность русской интеллигенціи, дѣлающую ее специфическимъ борцомъ за индивидуальность и противъ мѣщанства окружающей жизни, другіе говорятъ объ измѣнѣ интеллигенціи народу и рабочему классу.

Кѣмъ же является русская интеллигенція въ студенческомъ движеніи?

Какъ извѣстно, студенческое движеніе возникло въ 60-хъ годахъ, тогда же, когда явилась на свѣтъ Божій разночинная интеллигенція. Въ безмятежную обитель дворянской молодежи нахлынулъ разночинецъ. Онъ пришелъ въ русскій университетъ съ требованіемъ тѣхъ необходимыхъ знаній, которыя нужны были для предстоящей великой культурной работы въ странѣ, только что освобожденной отъ крѣпостныхъ узъ и вступающей въ новую жизнь. Онъ вышелъ изъ низинъ русскаго общества и принесъ съ собой въ университетъ социальное недовольство, присущее разоряющимся слоямъ мел-

кой буржуазіи и мелкопомѣстнаго дворянства. Появленіе разночинца въ университетѣ сразу было отмѣчено современниками. По своему социальному положенію и по своимъ психологическимъ чертамъ новое студенчество представляло полный контрастъ съ студенчествомъ дворянскимъ. Разночинецъ шелъ въ университетъ не „благоговѣть“ передъ профессорами, подобно своимъ предшественникамъ, а съ твердымъ намѣреніемъ „отыскать свою будущность“, какъ говорилъ Пироговъ. Это „отыскиваніе своей будущности“ и было причиной массоваго наплыва въ университетъ разночинца и возникновенія новой разночинной интеллигенціи, которую Ивановъ-Разумникъ надѣляетъ почетнымъ званіемъ „соціально-этической группы“. Въ университетѣ эта „соціально-этическая“ группа стоитъ, какъ мы видѣли, на почвѣ защиты своихъ непосредственныхъ интересовъ: свободнаго доступа въ университетъ и свободы корпоративныхъ организацій.

Вопросъ о платѣ подымаетъ студенчество на первую битву съ существующимъ политическимъ строемъ, приковавшему вниманіе русскаго общества къ студенчеству. Выступленіе 60-хъ годовъ показало силу объединенной интеллигенціи и внушило вѣру въ „молодое поколѣніе“ всѣмъ жаждавшимъ политическаго освобожденія Россіи. Явилась потребность въ идеализаціи студенческаго движенія. Но какъ ни хотѣлось Огареву придать студенческой борьбѣ особый „этический смыслъ“—борьбы землевладѣльческаго дворянскаго студенчества за открытіе дверей университета разночинцу—дѣйствительность разрушила его иллюзіи. Во первыхъ, землевладѣльческое дворянство, какъ мы видѣли, терялось въ массѣ недостаточнаго разночиннаго студенчества, такъ что ему не могла принадлежать руководящая роль въ движеніи. Во вторыхъ, Ашевскій отмѣтилъ уже то любопытное явленіе, что на старшихъ курсахъ Московскаго Университета, гдѣ мало было разночинцевъ, движенія не было.

Въ движеніи 60-хъ годовъ студенчество, такимъ образомъ, стояло на почвѣ защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ. Выставляя требованіе общедоступности высшаго образования, русская разночинная интеллигенція выступала, какъ опредѣленная *соціально-экономическая группа*.

Споръ „Народной Воли“ со студенческимъ академизмомъ

еще не говорить намъ, что разночинецъ въ лицѣ народо-вольца былъ далекъ отъ сознанія своихъ специально интеллигентскихъ интересовъ. Мы помнимъ, что „Народная Воля“, возставая противъ „кастовыхъ“ интересовъ студенчества, призывала его бороться „съ системой отношеній правительства къ интеллигенціи“. Въмѣсто борьбы за одни студенческие интересы она рекомендовала бороться за интересы всей интеллигенціи.

Характерно, что Лавровъ—идеологъ разпочинной интеллигенціи¹⁾, въ одномъ изъ своихъ „Историческихъ Писемъ“ высказалъ мысль, что „критически мыслящія личности“—борцы за прогрессъ скорѣе будутъ въ странѣ бѣдной, экономически отсталой, чѣмъ въ странѣ съ развитой промышленностью. „Но усиленіе промышленнаго и государственнаго начала, говоритъ Лавровъ, вызываетъ еще одно явленіе при подобномъ положеніи дѣлъ. Такъ какъ сильнѣйшія личности при нѣскольکو удобной обстановкѣ легко пробиваются въ ряды счастливѣйшаго меньшества, то самыя сильныя умы не испытываютъ въ значительной мѣрѣ неудобства общественнаго строя, относятся къ нему критически лишь въ сферѣ мысли и не только скоро примиряются съ этими неудобствами, но большею частью, по самой силѣ вещей становятся въ ряды защитниковъ status quo²⁾“. Такимъ образомъ Лавровъ объясняетъ намъ, почему въ странѣ бѣдной и отсталой экономически „критически мыслящія личности“ являются болѣе рѣшительными противниками существующаго общественнаго строя, чѣмъ въ странѣ экономически развитой.

Испытывая сами въ сильной степени, „неудобства общественнаго строя“ „критически мыслящія личности“ идутъ къ народу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ бороться за прогрессъ, за новый общественный строй. Связывая свою судьбу съ судьбой угнетеннаго народа, разночинецъ становится народолюбивъ. Борьба за новый общественный строй необходима „критически мыслящимъ личностямъ“, ибо говоритъ Лав-

¹⁾ Подъ терминомъ „разпочинной интеллигенціи“ мы понимаемъ всѣ мелкобуржуазныя и мелкодворянскіе ея слои, объединенные общимъ социально-экономическимъ положеніемъ, въ противоположность интеллигенціи буржуазной, тѣсно связанной съ интересами господствующихъ классовъ.

²⁾ Лавровъ, Историческія Письма, стр. 225.

ровъ, „осуществленіе прогресса принадлежитъ тѣмъ, которыя избавились отъ мѣтущей заботы о насущномъ хлѣбѣ, но изъ этихъ послѣднихъ всякій „критически мыслящій, можетъ осуществлять прогрессъ въ человѣчествѣ“. Какъ много говорятъ эти слова вдохновителя движенія „критически мыслящихъ личностей“ уму и сердцу голоднаго разночинца?

Отчаявшись въ быстрыхъ успѣхахъ своей пропаганды въ крестьянствѣ, разночинецъ ринулся на героическій бой съ политическимъ режимомъ, понадѣявшись только на свои силы. Разгромъ „Народной Воли“ показалъ разночинцамъ безсиліе самостоятельнаго выступленія „критически мыслящихъ личностей“ и выдвинулъ насущную потребность искать поддержки въ болѣе сильныхъ общественныхъ группахъ.

Разочарованіе разночинца въ крестьянствѣ и въ своихъ собственныхъ силахъ совпало съ замѣтными успѣхами промышленнаго прогресса въ странѣ. Въ складывавшихся экономическихъ отношеніяхъ, вызванныхъ промышленнымъ развитіемъ Россіи, представлялась и разночинцу возможность на выгодныхъ условіяхъ предложить свой интеллигентскій трудъ. Капиталистическій способъ производства открылъ новыя области, требовавшія интеллигентнаго труда. Въ 80-хъ годахъ началось понемногу сбываться предсказаніе Лаврова, что „съ усиленіемъ промышленнаго начала“ „сильнымъ умамъ, трудно устоять отъ соблазна, чтобы не стать защитниками status quo. Съ этого времени среди русской интеллигенціи замѣтно выдѣляется группа, тѣсно-связанная своими интересами съ капиталистическимъ строемъ.

Характерно, что, когда на исходѣ 70 годовъ Щедринъ задался вопросомъ: „куда дѣвалось молодое поколѣніе“—т. е. старый разночинецъ, ему приходится перечислить цѣлый рядъ интеллигентскихъ профессій, происхожденіе которыхъ тѣсно связано съ промышленнымъ прогрессомъ Россіи. Это профессіи: адвокатская, бюрократическая и профессія литераторовъ. Конечно, не эти профессіи будутъ хранить традиціи русскаго разночинца. Новая интеллигенція, благосостояніе которой зависитъ всецѣло отъ господствующихъ классовъ, питающихъ ее, имѣетъ очень мало общаго со старымъ разночинцемъ, связавшимъ свою судьбу съ судьбой поработеннаго народа.

Представившаяся возможность на весьма выгодных условиях предложить свой интеллигентский труд не могла быть доступна всей массе разночинной интеллигенции, ежеминутно пополняемой из разоряемой капитализмом мелкобуржуазной среды. В то же время наиболее выгодные и хорошо оплачиваемые профессии неизбежно монополизировались дѣтьми буржуазии и буржуазной интеллигенции, становились привилегированными¹⁾. Теория о правах „кухаркиных дѣтей“ на высшее образование, первоначально выванная полицейскими соображениями, начинает пользоваться течением времени популярностью и в кругах буржуазии.

Таким образом, кроме интеллигенции привилегированной, начинает выдѣляться интеллигенция непривилегированная, занятая в тяжелых и плохо оплачиваемых интеллигентских профессиях, обслуживающих потребности не господствующих классов, а широких народных масс, (профессии учителей, фельдшеров, ветеринаров и др.) Между этими двумя крайними группами представителей интеллигентского труда находится цѣлый ряд промежуточных полупривилегированных профессий (доктора, учителя средних школ и др.).

Различное социальное положеніе, занимаемое привилегированной и непривилегированной интеллигенцией, должно оказать неизбежное влияние на социально-политическія симпатии этих групп русской интеллигенции. Подобно тому, как у первой группы имѣется основаніе сочувствовать идеологии того класса, от котораго зависит ея благосостояніе, социальное недовольство второй группы русской интеллигенции побуждает ее, естественно, искать опору в классах, враждебных существующему общественному строю.

Только в рядах непривилегированной интеллигенции могли храниться традиции русского разночинца.

Социальное разслоеніе русской интеллигенции не преминуло коснуться и студенчества. Среди массы разночин-

¹⁾ Господствующие классы, говорит Каутскій, охотно сбывают сюда (въ интеллигенцію) излишек своего населенія, разумѣется, въ особенно привилегированныя должности, доходность которых стоит въ обратном отношеніи къ требованіямъ на работоспособность и дарованія, предъявляемымъ къ счастливымъ обладателямъ. (Каутскій. Интеллигенція и социаль-демократія. Перев. Розанова, изд. „Молотъ“).

наго студенчества начинают выдѣляться „бѣлоподкладчики“ или „бонапартисты“, какъ ихъ презрительно называлъ студентъ разночинецъ..

Этотъ новый слой въ студенчествѣ, несмотря на то, что онъ терялся въ общей массѣ разночиннаго студенчества, далъ почему-то поводъ Щедрину отнести все современное студенчество за общую скобку со всемъ реакціонно-настроеннымъ буржуазнымъ обществомъ. Въ дѣйствительности же, разночинное студенчество въ 80 и 90-хъ годахъ было тѣмъ же, какъ и въ 60-хъ годахъ. Какъ и тогда студентъ-разночинецъ продолжаетъ твердо стоять на почвѣ защиты своихъ профессиональныхъ интересовъ. Среди торжествующей политической и общественной реакціи его голосъ звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ; на циркуляры о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“ и другія ограничительныя мѣры онъ отвѣтилъ внушительной демонстраціей 87 года, не уступавшей подобнымъ демонстраціямъ 60-хъ годовъ. „Общественному мѣщанству“, какъ характеризуетъ Ивановъ-Разумникъ, общественное настроеніе 80-хъ годовъ, студенчество бросило вызовъ своимъ протестомъ. Борьбу съ официальнымъ и общественнымъ мѣщанствомъ *студенчество, вело на почвѣ защиты своихъ интересовъ, какъ социально-экономической группы.*

Характерно, что руководящими органами академическаго, а потомъ и политическаго движенія являлись организаціи взаимопомощи. Избѣгая „политики“, студентъ-разночинецъ принужденъ былъ, въ концѣ концовъ, признать ее, исходя изъ своихъ профессиональныхъ интересовъ.

Неопредѣленно-политическій характеръ выступления студенчества начала 1900 годовъ очень скоро уступаетъ опредѣленному тяготѣнію въ сторону радикальныхъ программъ социалистическихъ партій. Въ этомъ тяготѣніи къ социалистическимъ партіямъ, несомнѣнно, сказалось влияние социального состава русскаго студенчества. Вся предшествующая борьба студента-разночинца въ достаточной мѣрѣ научила его „цѣнить“ тотъ общественный строй, который монополизуетъ высшее образованіе для однихъ только матеріально-обеспеченныхъ слоевъ буржуазнаго общества.

Для представителя мелкобуржуазной разночинной среды представляется все меньше и меньше возможности овладѣть средствами интеллектуальнаго производства—знаніями. По-

добно пролетаризирующемуся ремесленнику, разночинцу приходится уступать мѣсто въ интеллектуальномъ производствѣ своему болѣе счастливому сопернику изъ крупной буржуазной среды. Студентъ-разночинецъ передъ ежеминутной угрозой быть исключеннымъ за невзносъ платы, не имѣя возможности спокойно заниматься, подобно своему состоятельному товарищу, не можетъ не чувствовать, какъ почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ. Поэтому борьба за демократизацію высшаго образованія красной питью проходить черезъ все студенческое движеніе. Эта борьба заставляетъ студента-разночинца тяготѣть къ различнымъ социалистическимъ программамъ, требующимъ коренного измѣненія существующаго общественнаго строя. Борьбу за демократизацію высшаго образованія диктуютъ непосредственные интересы разночинной интеллигенціи. Только борясь за полную доступность средняго и высшаго образованія, разночинецъ можетъ отстаивать свое право на интеллигентскій трудъ. Въ борьбѣ за демократизацію образованія разночинецъ неизбежно идетъ къ обобществленію всѣхъ знаній, дающихъ преимущество квалифицированному труду надъ трудомъ неквалифицированнымъ. Въ этой борьбѣ философія движенія русскаго разночиннаго студенчества.

Этотъ своеобразный характеръ русскаго студенческаго движенія быть можетъ объяснить махаевцамъ „классовые интересы“ русской интеллигенціи. Посылая громы и молніи противъ социалистической интеллигенціи, эксплуатирующей въ своихъ интересахъ рабочее движеніе, махаевцы, быть можетъ, сами того не замѣчая, бьются не по цѣли. Желая попасть въ социалистическую интеллигенцію, они попадаютъ въ буржуазную интеллигенцію, дѣйствительно перехватывающую, какъ говорятъ махаевцы, не малую долю прибавочной стоимости у капиталистовъ при существующемъ общественномъ строѣ. Не ясно ли, напримеръ, о какой интеллигенціи идетъ рѣчь въ слѣдующихъ строкахъ Вольскаго — родоначальника махаевцевъ? „Во всѣхъ странахъ, во всѣхъ государствахъ, — существуетъ громаднѣйшій классъ людей, которые вовсе не имѣютъ ни промышленнаго, ни торговаго капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ живутъ, какъ настоящіе господа. Это классъ образованныхъ людей, классъ интеллигентскій. Они не владѣютъ ни землей, ни

фабрикой, ни мастерской, а пользуются не меньшимъ грабительскимъ доходомъ, чѣмъ средніе и крупные капиталисты. Они не имѣютъ собственныхъ предпріятій, но они такіе же бѣлоручки, какъ средніе и крупные капиталисты, такъ же, какъ и тѣ, всю жизнь свободны отъ ручного труда и если участвуютъ въ производствѣ, то лишь какъ управляющіе, директора, инженеры, т. е. по отношенію къ рабочимъ, къ рабамъ ручного труда являются такими же командирами и господами, какъ и предприниматели-капиталисты“. Подъ этой довольно яркой характеристикой социальнаго положенія буржуазной интеллигенціи съ успѣхомъ могъ бы подписаться любой разночинный интеллигентъ. Вѣдь это та буржуазная интеллигенція, которая монополизуетъ высшее образованіе, отбрасывая разночинца въ плохо оплачиваемыя и тяжелыя интеллигентскія профессіи. Характерно, что Вольскій, направляя свои стрѣлы противъ социалистической интеллигенціи и попавъ въ буржуазную вполне, уподобился идеологу, такъ называемой „сверхклассовой интеллигенціи“ Изгоеву, увидѣвшему дѣйствительную „высшую“ и „учительствующую“ интеллигенцію въ профессорахъ, литераторахъ и проповѣдникахъ.“ Для Вольскаго и Изгоева, повидимому, кромѣ управляющихъ фабрикъ, инженеровъ, профессоровъ, литераторовъ и проповѣдниковъ нѣтъ другой интеллигенціи. А между тѣмъ исторія русской интеллигенціи не помнитъ, чтобы управляющіе фабрикъ, инженеры, профессора и литераторы ходили въ народъ проповѣдовать социализмъ. Интеллигенція, все существованіе которой тѣсно связано съ господствующими классами и со всѣмъ существующимъ общественнымъ строенъ, не заинтересована въ успѣхахъ социалистической пропаганды.

Она способна, пожалуй, болѣе рѣшительно чѣмъ буржуазія бороться за либеральныя свободы, ибо онѣ для нея, по выраженію Изгоева, „вопросъ существованія“. Она бѣстрѣе, чѣмъ питающій ее классъ, начинаетъ понимать, что промышленное развитіе страны немислимо безъ установленія либеральнаго порядка. Она способна взывать къ „благоразумію“ господствующихъ классовъ, увлекшихся своей побѣдой надъ рабочимъ классомъ. Устами блестящихъ адвокатовъ, она можетъ объяснить правящимъ классамъ, что военныя положенія и чрезвычайныя охраны еще не означаютъ

спокойствія и порядка въ странѣ. Но борясь съ реакціей, либеральная интеллигенція всегда не прочь покаяться передъ господствующими классами, что въ свое время „отдала дань демагогіи“¹⁾, увлекшись успѣхами рабочаго движенія. Какимъ же образомъ, на примѣръ, кающійся либеральный интеллигентъ можетъ быть причисленъ къ той интеллигенціи, которая эксплуатируетъ социализмъ въ своихъ „классовыхъ“ интересахъ.

Между буржуазной и разночинной интеллигенціей существуетъ такая же связь, какъ между преуспѣвающимъ капиталистомъ и разоряющимся ремесленникомъ. Какъ тѣхъ, такъ и другихъ соединяетъ владѣніе средствами производства и разъединяетъ пропасть, существующая между ихъ социальнымъ-экономическимъ положеніемъ. Различіе въ социальномъ положеніи заставляетъ одну группу искать поддержки въ верхахъ, а другую—въ низахъ общества. Въ тяготѣніи этихъ группъ къ буржуазіи и къ пролетаріату слѣдуетъ искать причину либерализма буржуазной и социализма разночинной интеллигенціи²⁾.

Реальные интересы заставляютъ разночинную интеллигенцію идти къ угнетенному классу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ бороться за новый общественный строй, независимо отъ какихъ-либо социальнo-этическихъ мотивовъ. Эти же реальные интересы побуждаютъ разночинную интеллигенцію бороться за демократизацію образованія, которая въ конечномъ счетѣ ведетъ къ обобществленію всѣхъ знаній—этому главному требованію интеллигентофобствующихъ махаевцевъ.

Іюль, 1908 года.

¹⁾ Рѣчь Маклакова въ 2-й Думѣ.

²⁾ Мы не касаемся вопроса, въ какую форму выливается социальный протестъ разночинной интеллигенціи: въ форму ли утопическаго социализма, народничества, анархизма или въ принятіи классовой доктрины пролетаріата.